

АНТОН КАРЕЛИН

Одиссей Фокс

Одиссей Фокс

Антон Карелин

Одиссей Фокс

«Автор»

2023

Карелин А.

Одиссей Фокс / А. Карелин — «Автор», 2023 — (Одиссей Фокс)

Космос хранит секреты. Одиссей раскрывает их. На древнем корабле, последнем в своём роде, летает с планеты на планету космический странник Одиссей Фокс. Это последний гражданин галактики, который не использует улучшений и апгрейдов, а остаётся самым обычным человеком. Хотя кто-то скажет, что Одиссей скорее обыкновенный гений, ведь даже без усилителей его разум превосходит разум большинства обитателей галактики. Фокс раскрывает самые интересные тайны и расследует самые необычные дела. Каждое дело в новом жанре, и это не случайность, а замысел: Одиссей совершает путешествие по фантастике, одиссею по всем тропам и архетипам жанра. Ведь это книги-благодарность всему, что мы полюбили с детства. Отправляйтесь в захватывающую космическую Одиссею, и да пребудет с вами сила воображения! Роман получил премию "Роскон 2023", "Книга года" от Прочтения, шорт-лист ФантЛаба и "Филигрань 2023", и другие премии.

© Карелин А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Дело #1	5
Дело #2	22
Дело #3	36
Дело #4	50
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Антон Карелин

Одиссей Фокс

Дело #1

Мой враг

«Знание некоторых принципов легко возмещает незнание некоторых фактов»
Клод Адриан Гельвеций

– И вас называют лучшим детективом сектора? Вас?! – воскликнул Советник, оглядев Фокса с головы до ног.

Его взгляд излучал брезгливое презрение сразу во всех спектрах, ведь глаза у Советника были класса «превосходный», как и всё остальное в его технологически улучшенном теле. Идеальная фигура, мужественное лицо, никаких болезней и слабостей, а также зубы, способные при достаточном упрямстве хозяина перекусить стальной прут. Изящно сложенный и утончённый красавец, за счет гибридных мускулов он был сильнее медведя и быстрее песчаной кобры. Советник выглядел на двадцать, да и действительно был ещё не стар в свои семьдесят пять. Благодаря многослойным зрачкам он видел людей буквально насквозь: считывал биоритмы, на лету анализировал микро-мимику и практически читал мысли собеседника. Полезные свойства для политика. Его нейроны высшей категории, обогащённые нано-структурами последнего поколения, обеспечивали мыслительные процессы вдвое быстрее, чем у обыкновенных граждан второго или третьего классов, большое спасибо!

Но сейчас высокоэффективные мозги Советника находились в ступоре. Он изумлённо разглядывал мрачную фигуру человека неясного возраста, молча сидящего напротив – и был поражён до глубины души. Лохматый, помятый, усталый – Советник видел такого впервые в жизни. Даже непристроенные на пособия выглядели опрятнее и перебивались имплантами старых моделей. А нормальные люди (первого класса и выше) читали про усталость только в исторических хрониках!

– Как современный человек может быть таким... неразвитым?! – Советник подобрал замену «недоразвитому» и «неполноценному», чтобы оскорбить собеседника, но при этом не понизить свой социальный рейтинг, за сохранением которого ревностно следил. – У вас что, *ни одного апгрейда?!*

Человек молча кивнул. От зорких глаз политика не укрылось, что у несчастного ноет затёкшая шея, и он вынужден поминутно её массировать.

– Пффф, – рассмеялся Советник, нервно сгибая и разгибая титановый антистресс. – Первый раз вижу такое...

Он чуть не сказал «безобразие», но вовремя остановился.

– На вашей планете нет закона, по которому гражданин обязан улучшаться, – со спокойной сдержанностью ответил человек напротив. Шея доставляла ему явное неудобство, но он упрямо – или стоически – переносил боль.

– Конечно нет, – фыркнул политик, – никто вас не заставляет, но есть же гигиена! Неужели вам самому приятно таскаться в таком уро... неидеальном теле, быть медленным и неуклюжим, испытывать усталость и боль?! Неужели ваши дела идут настолько плохо, что вы не можете позволить себе хотя бы захудалое обновление, а лучше полноценный биоремонт? Насколько мне известно, у нас есть благотворительные государственные программы для бедствующих и безработных, я могу сейчас же зарегистрировать вас в...

– Нет, – ровно ответил человек. – Не нужно.

– Как знаете, – покачал головой Советник, сверкая глазами уже неодобрительно и гневно. – Хотите быть ходячим экспонатом и вызывать раздражение каждого встречного – ваше право.

– Действительно, моё.

Человек, до этого рассеянно скользивший взглядом по Советнику и окружавшим его вещам, впервые поднял глаза и глянул прямо. Советнику показалось, что один глаз у детектива странный: как будто там темнела непроницаемая тьма, из которой проступал едва заметный светящийся огонёк. Словно далекая звезда, мерцающая в черноте космоса. Впрочем, различные сканы, которыми Советник сию же минуту попробовал изучить этот странный глаз, не дали результата. Наверное, показалось.

Сыщик смотрел невозмутимо, но по микро-мимике и позе Советник прочёл его мысли и внезапно смутился, отвёл взгляд, стал машинально передвигать виртуальные окна, рассыпанные перед ним в воздухе, словно пытаясь вспомнить, о чём шла речь.

– Что ж, раз уж я потратил время, чтобы с вами связаться, Мистер Фокс, можно и описать дело. Хотя я сильно сомневаюсь, что вы...

– Вице-министр туризма и охоты, – произнёс детектив.

– Что?

– Лишил вашу планету триллионов прибылей.

– Откуда?..

– Пока вы рассматривали меня, я рассмотрел материалы, которые вы раскрыли перед собой для нашего разговора. А перед началом встречи прошёлся по открытым финансовым данным вашей планеты, и увидел проблему. За последние два года туризм на Медею вырос всего на шестнадцать процентов – несмотря на великолепные данные и огромный потенциал вашего элитарного курорта. Вы сделали галактической элите шикарное предложение: охота на грозовых птиц в лабиринтовых облаках, пронизанных тысячами молний. Одно из самых завораживающих зрелищ и одновременно чистый адреналин, впечатления на всю жизнь. Но туристы отнеслись к новой забаве с большой опаской. Не слишком помогли даже недавно открытые межзвездные врата, которые включили вашу планету в Великую Сеть. Вы ждали поток туристов, а получили ручей. Инвесторы крайне напряжены, и ваше кресло, Советник, шатается под вами.

Политик сжал зубы, но промолчал, слушая очень внимательно. Он даже перестал вести параллельное совещание по вопросам утилизации смуглей и поставил на паузу любимый мультсериал, который поглядывал третьим потоком восприятия.

– Несложно вычислить причину, – продолжал Фокс. – В галактической прессе почти все упоминания о вашей планете говорят об опасностях, многочисленных случаях увечий и даже смертей. Недавняя гибель одного из самых известных звездных дайверов, Джайриса, всколыхнула всю сеть. Большинство обитателей галактики впервые познакомились с Медеей в связи с этой новостью. Как вы понимаете, не лучшее первое впечатление. Не успев обрести популярность, грозовая охота стала синонимом глупой бравады и бессмысленного риска. А ваша планета обрела имидж опасной.

– Мы сожалеем о гибели выдающегося спортсмена, – быстро проговорил Советник. – Но это было трагическое стечение обстоятельств и, главное, отказ самого Джайриса от всякой защиты и страховки! Сделав это, он значительно увеличил сложность охоты. Хотя даже в таком варианте риск был минимален... эти дикие твари никогда не нападали на крупные объекты!

– Но один раз напали. Джайрис стал жертвой грозовых птиц.

– Перед полётом он подписал согласие о снятии с нас ответственности. Но толпе на это наплевать! И непомерно раздутые выводы прессы несколько не соответствуют истине.

Советник перевёл дух. Судя по реакции, смерть звездного экстремала стала потрясением, от которого он ещё не оправился. Похоже, он принял всё это гораздо ближе к сердцу, чем следовало политику.

– Разумный риск в грозовой охоте, разумеется, есть, иначе затея теряет смысл, – утомлённо сказал Советник, в очередной раз повторяя отрепетированный текст. – Но это контролируемая опасность, она полностью в руках скрытых защитных систем. У нас прекрасное оборудование стоимостью в миллиарды. И если не нарушать протокол безопасности, никаких смертей и увечий не было и быть не может. Не может...

– Думаю, вы правы, – неожиданно согласился детектив. – Я был с Джайрисом во время охоты. Он летел на живой трансляции, и я был к нему подключён. Как и шестьдесят миллиардов его фолловеров по всей галактике. И даже сильнее, чем большинство из них.

– Вы тоже входите во внутренний круг? – удивлённо спросил Советник, и на мгновение все слои превосходности между ним и взлохмаченным человеком напротив исчезли. Отыскалось нечто во вселенной, что объединяло таких непохожих собеседников – и это был Джайрис. Гибкий, крылатый таллиец с серо-зелеными глазами, чистый и молодой, который упивался жизнью и заражал своим жизнелюбием столько сердец. К каждому, с кем его сводила судьба, Джайрис обращался одинаково: «Мой друг».

– Да, я был в его круге, – ровно сказал детектив. – Я *был им* во время последнего полёта, и помню, как мы погибли.

Джайрис летел посреди колоссальных облаков, пронизанных, как сумасшедшим пульсом, чередой вспыхивающих и гаснущих, рождающихся и умирающих титанических молний. Каждый удар, грохоча, разносился по всему небу, облачные стены дрожали и двигались, иногда сталкивались. Сверху рушились огромные лавины, которые кажутся сокрушительными, а оказываются ватным дымом: душачим, облегающим и тёплым. Ты мчишься вперёд в жажде скорее вырваться, распарываешь тела туч, а грохот от молний настигает, бьёт со всех сторон. Ты вырываешься на свободу, разбрасывая клочья облаков, и нарываешься прямо на стаю молнекрылов. Это судьба, а от судьбы не уйдёшь, ведь правда?

Каждый из фолловеров мог смотреть глазами звездного дайвера, слышать его ушами, ощущать потоки ветра его гладким, блестящим телом, перья которого так чувствительны к упругости неба. Быть в шкуре Джайриса, делить с ним величие момента, сражаться с ураганом вместе с маленьким дайвером. Но самые преданные фанаты, которых тоже очень много, могли соединяться даже с мыслями Джайриса, растворяться в его душе. Премиум-подписчики из внутреннего круга сливались с дайвером в ментальном единстве. Они чувствовали восхищение Джайриса этой планетой и красотой лабиринтовых облаков, ощущали восторг, когда он мастерски лавировал, прыгая между потоками ветра и уворачиваясь от молний.

Отважный летун не был один, когда стая молнекрылов внезапно стала преследовать его; когда минуту спустя птицы настигли Джайриса. Был не один, когда разряды срывались с крыльев витыми светящимися жгутами и били в незащитное кувыркающееся тело. Джайрис хотел быть полностью открыт миру, бросать вызов риску и тестировать пределы возможного. За это им и восхищались, потому он и был так популярен. Он делал это снова и снова, пока однажды мир не ударил его в открытую грудь.

Грозовые птицы всегда улетали прочь от незнакомых существ и объектов, так работал их стайный инстинкт. Они охотились и жили внутри облаков, а не снаружи; а на открытое небо вылетали, когда буря разрушала их облачный комплекс, и им требовалось срочно отыскать другой. В таких случаях они целеустремленно мчались лишь ветру ведомо куда, и никогда не отвлекались на сторонних наблюдателей. Но в тот раз отвлеклись, потому что крылатая фигура Джайриса слишком походила на одного из них, птицу из чужого гнезда.

Спасательный флаер сопровождения летел совсем недалеко. При странной и неожиданной реакции грозовых птиц страховщики попытались применить «Замену», нуль-портальную

рокировку: выдернуть дайвера из точки опасности напрямую в безопасную капсулу на другом конце планеты – но экстраординарный грозовой шторм сбил наводку. Страховщики ринулись наперехват дайверу и опоздали всего на двенадцать секунд. Взятое силовым захватом тело было безнадежно искалечено ударами молний, сожжено и мертво.

А шестьдесят миллиардов фолловеров по всей галактике реагировали по-разному: кто-то бился в истерике, кто-то замер в шоке, кто-то размеренно жевал чакву, одни рыдали, а другие радостно смеялись или танцевали в экстазе. У разных видов такие разные культурные коды.

– Я не смог заставить себя пережить это снова, – тихо, почти шёпотом признался Советник, подавшись вперёд. И Фокс понимал его: гибель Джайриса... это было слишком неожиданно, слишком несправедливо, слишком сокрушительно и тяжело.

– Были и другие случаи, – сказал детектив. – Конечно, не такие серьёзные, но их отличие кое в чём ином. Я пережил пару-тройку воспоминаний участников неудачных грозовых охот, и мне показалось, что они были отредактированы. Хотя точно сказать не могу: отличить полностью натуральную память от слегка дополненной крайне сложно. С этим не справится большинство экспертиз, поэтому ментальные записи давно перестали приниматься как доказательства в суде. Но на общественность они производят гарантированное впечатление, ведь миллионы потенциальных туристов «пережили ужасы грозовой охоты на собственной шкуре». И показали друзьям.

– Именно! – энергично кивнул Советник. – Пока вы совершенно корректны в своих оценках. Волна этих публикаций – продуманный и масштабный чёрный пиар, который, как мы недавно обнаружили, начался даже раньше, чем мы стали выводить этот новый вид туризма на галактический рынок. Понимаете, Фокс? Раньше.

– Вы связались со мной, чтобы поручить найти виновного. Из-за которого туристы обходят планету стороной, и она лишается триллионов прибыли.

– Но вице-министр туризма и охоты не мог этого сделать, – отрезал Советник. – Никак не мог.

К гражданину класса «превосходный» вернулось брезгливое недоверие к странному, совсем не улучшенному и не дополненному человеку, который будто выполз из далекого прошлого.

– Почему не мог? – поинтересовался детектив, морщась от ноющей боли и массируя шею.

– Начнём с безупречной выслуги, наивысшего социального и высочайшего правительственного рейтинга. Затем, как член планетарного правительства, он находится под постоянным надзором и контролем, включая сохранение и проверку воспоминаний. А закончим тем, что именно вице-министр туризма был инициатором этой программы! По сути, он и создал грозовую охоту, первым увидел далекоидущие возможности ещё лет десять назад. Кроме всего прочего, его министерство выигрывает от повышения потока туристов больше всего!

– Министерство, – повторил сыщик. – Не он сам.

– Какой ему толк саботировать свою же работу всей жизни?! И, главное, как, просветите меня, он физически мог всё это сделать?

Детектив прикрыл глаза и откинулся на спинку дивана, позволив тому обхватить многострадальную шею.

– Узнав о вашей проблеме, я сразу подумал, что начать расследование лучше всего с точки пространства и времени, в которой сошлось максимальное количество заинтересованных в этом проекте лиц. Долго искать не пришлось: этой точкой оказалась торжественная гала, посвящённая открытию межзвездных врат на орбите вашей планеты. На этом мероприятии были все организаторы грозовой охоты, ключевые чиновники, все инвесторы и множество приглашённых гостей: в общем, все, кто может быть замешан в этом деле. Поэтому перед нашей встречей я заскочил на это важное мероприятие. Гала состоялась полгода назад и была частью

пиара грозовой охоты, поэтому там присутствовал правительственный меморис, чья память открыта для посещения. Его глазами я всё и осмотрел.

– И?

– Там был, в числе прочих, крон-принц алеудов Мигор-Шолет.

– Его высочество, – изменившимся голосом сказал Советник, весь его облик выражал величайшее почтение. Он даже поклонился и развёл руки в нижайшем приветственном жесте, словно трехметровый алеуд с белой кожей и шестнадцатью золотыми рогами оказался прямо перед ним. – Когда Великая Сеть отказала нашей планете, именно крон-принц в своей необъятной щедрости ссудил нам огромную сумму, которая привлекла остальных инвесторов и позволила нам построить и открыть межзвездные врата.

Фокс едва заметно улыбнулся, не открывая глаз.

– Для наследника межзвездной империи эта сумма не значит ничего, – сказал он. – Я не ошибусь, если предположу, что Мигор-Шолет единственный из всех инвесторов не выражает недовольства в связи с отсутствием ожидаемых прибылей и не требует компенсации?

– Не ошибётесь, – осторожно согласился Советник, будто ощупывая следующий шаг на тонком льду.

– Я понимаю, что вы не в праве открывать информацию о туристах высшего класса. И уж тем более, таких, которые вне категорий, как наш крон-принц, – сыщик открыл глаза и смотрел на политика с сочувствием, за которым могла почудиться насмешка. – Поэтому не стану спрашивать, является ли сам Мигор-Шолет страстным любителем грозовой охоты. Просто выражу догадку: является. Он не раз отважно нырял в сверкающие тысячами молний лабиринтовые облака. И не один, а в компании таких же высокорожденных и богатых друзей. Звёздной элиты, принцев разных рас и планет.

Советник напряженно молчал, но Фоксу не нужен был улучшенный мозг и многослойные зрачки, чтобы прочитать его мысли.

– Я заметил, что на гала вице-министр и крон-принц совсем не общались друг с другом.

– Ну разумеется, настолько разный уровень! – воскликнул Советник в смятении. – Наследник империи не станет общаться с...

– С обслугой? – охотно закончил за него детектив. – Вполне вероятно, вот только они уже были знакомы. Когда на церемонии представления вице-министр кланялся крон-принцу, он вместо жеста «ваш нижайший поклонник» применил жест «ваш покорный слуга». Разница между ними невелика, но она имеется, я прожил этот момент воспоминаний несколько раз, чтобы убедиться.

– Он ошибся и применил не тот церемониальный жест? – озадаченно нахмурился Советник.

– Не тот, – кивнул Фокс. – Но вице-министр не ошибся. «Покорный слуга» применяется теми, кто *уже служит* принцу. Ваша протокольная служба не заметила эту ошибку или не придавала ей значения.

– Это неудивительно, – несколько напряжённо отозвался Советник, складывая руки на груди, словно защищаясь. – Независимая планета Медея и великая Алеудская Империя никогда не были в открытых дипломатических отношениях. Поэтому тонкости их культуры не настолько идеально изучены нашим дип.корпусом.

– И правда, – согласился детектив. – Но тонкости алеудской культуры идеально изучены... алеудами. А протокольная служба принца никак не отреагировала на это нарушение ритуала. Никто из свиты его высочества, наследника могущественной империи, не указал обслуге на дерзость и не поправил его. Потому что жест был верный. К моменту открытия врат, ваш вице-министр уже служил Мигор-Шолету, и свита принца уже встречала и знала его.

– Но как? Когда?

– Это пусть раскопает ваша служба безопасности. Министерство туризма и охоты является принимающей стороной и работает со всеми элитными туристами, не так ли?

– Разумеется.

– Видимо, они общались, когда Мигор-Шолет вместе с друзьями прибыл попробовать новое развлечение. Никто не мог помешать принцу вызвать к себе «слугу-аборигена» и обсудить с ним любые вопросы.

– Но проверки памяти... – начал было Советник, и тут же осёкся. Получивший правильные наводки, его улучшенный мозг работал стремительно.

– Именно эти воспоминания были скрыты от проверок вашей службы безопасности, как дипломатическая собственность алеудской империи, верно? Стандартный протокол.

Эти слова попали точно в цель. Советник опустил взгляд, его лицо не должно было дать никаких подтверждений или опровержения словам проклятого, слишком пронизательного сыщика.

– Кто пострадает больше всех, если сквозь звездные врата хлынет поток миллионеров со всей галактики? – спросил Фокс, и сам себе ответил. – Все будут в выигрыше. Кроме весёлой компании друзей: сверх-элитарной группы вне категорий и вне закона, вне морали и вне ответственности. Которые привыкли, что вселенная такая, как им захочется. Представьте, что на их излюбленные лабиринтовые облака покусятся орды тех, кто с высоты их статуса выглядит такими же плебеями. Они изгадят небеса Медеи своим присутствием, превратят *их любимое местечко* в стадный загон. Этого высочайшие не перенесут. Заплатить огромную по меркам отсталой планетки сумму, чтобы получить контроль над полюбившимся курортом – для принца даже не прихоть, а так, плёвое дело.

– И гибель Джайриса... – Советник внезапно охрип. – Пришлась как нельзя кстати. Она стала главным ударом по репутации нашей планеты и грозовой охоты. Неужели... Но ведь этот случай всесторонне изучали и проверяли! Не было даже мысли о том, что его смерть могла быть... неслучайна.

Детектив молчал, растирая шею с гримасой боли на мрачном лице.

– Медея колонизирована людьми больше тридцати лет назад, не так ли? – спросил он наконец. – И поведение молнекрылов было вполне изучено за эти годы?

– Я не специалист, – пожал плечами Советник, но тут же сверился с материалами на эту тему, а вторым потоком послал запрос ксенобиологу. – Да, изучены. Больше того, спецы по флоре и фауне планеты фиксировали случаи, когда эти птицы нападали на себе подобных из других гнёзд, ещё в самую первую экспедицию почти пятьдесят лет назад. Но при подготовке полёта Джайриса никто не помнил о деталях исследований полувековой давности. А если кто-то и помнил, то разве такое придёт в голову? Таллийцы, пусть и с крыльями, мало похожи на этих проклятых птиц! Кто мог предсказать, что они так среагируют на разумное существо?! Тупые твари!

Фокс промолчал, хотя соблазн отметить, что тупость в данном случае проявили не птицы, был довольно велик.

– Чем менее развит мозг существа, тем на более общие стимулы он реагирует, – сказал детектив. – Помните брендированный полётный костюм Джайриса, сделанный специально для вашей пиар-кампании?

Советник медленно кивнул, его разум соображал стремительно и уже всё понял, но из всех сил не хотел принимать догадку.

– Я не ошибусь, если предположу, что разработкой серебристого комбинезона и накрывников, так похожих по расцветке на оперение грозowych птиц, занималось министерство туризма и охоты.

– Проклятье, – выговорил Советник. И если бы у него не была абсолютно идеальная улучшенная кожа, он бы сейчас совершенно точно вспотел. – Проклятье!

– И здесь невозможно доказать злой умысел, – улыбнулся Фокс. – Ведь решение сделать дайвера похожим на молниекрылов было вполне логично для пиар-акции, для шоу. Даже если изучение воспоминаний вице-министра подтвердит, что эту идею предложил он, что это доказывает? Ничего. Улик нет, доказательств нет. Идеальное убийство.

Советник и детектив одновременно прикрыли глаза, не желая поверить, что добрый и ни в чём не повинный Джайрис погиб из-за прихоти какого-то сверх-богача. Хотя оба уже поняли, что это так. Два человека из внутреннего круга дайвера зажмурились в инстинктивном порыве спрятаться, хотя бы одну секунду не видеть такой несправедливый и неправильный мир. Из темноты смотрели серо-зелёные глаза, живые и лукавые, добрые и смелые. Так было всего мгновение, пока видение вспыхнуло и погасло. *«Мой друг»*, прошептало воспоминание и умолкло.

– Вы утверждаете, что Джайрис погиб из-за каприза крон-принца, который хотел оставить Медею себе и только себе? – Советник был вне себя от злости, но тем жестче держал себя в руках. – И всё это только ради того, чтобы изредка посещать Медею с компанией друзей и развлекаться полётами в лабиринтовых облаках?! Вы сами в такое верите?

Детектив молча смотрел на него в упор и даже перестал мять шею.

– Вряд ли это первый раз в истории, когда прихоть аристократа приводит к гибели простолюдинов, – спокойно сказал он.

– Это не может быть просто прихотью, – побледневший политик не отвёл взгляд. – Если ваша безумная теория права, за действиями крон-принца кроется план.

– Думаю, вы правы, – согласился Фокс. – Вашу планету обкрадывают, и не только последнее время, а на долгие годы вперёд. Вряд ли план Мигор-Шолета заканчивается на гибели дайвера. Чтобы окончательно дискредитировать планету в глазах туристов по всей галактике, нужно что-то посерьёзнее.

Детектив закрыл глаза и задумчиво мямлял заговорок, всё сильнее раздражая Советника. Наконец, сыщик заговорил снова:

– Весьма вероятно, что, владея инвесторским контролем и доступом к звездным вратам, крон-принц готовит их монументальный крах. Чтобы вкупе с предыдущим черным пиаром похоронить туристические перспективы вашего мира навсегда. Чтобы Медея досталась ему одному, стала лишь его игрушкой, пока не наскучит. Принцу-то, владельцу кораблей с безграничным контуром, врата для межзвездных полётов не требуются.

Советник растирал лоб пальцами, морщась от внезапного спазма и боли, которую он не чувствовал (усовершенствованное тело!), но глубоко ощущал. В какой же яме они оказались, какой же игрушкой в руках высоких стала их планета...

– Пользуясь преимуществом своей должности, вице-министр туризма и охоты тщательно подстраивал неоднозначные случаи, которые и становились основой для черного пиара по всей галактике, – тяжело констатировал Советник, и Фокс кивнул.

– Ваш вице-министр оказался между молотом и наковальней, и предал собственный народ. Не знаю, из страха или ради личной награды, на которую рассчитывает в будущем, когда крон-принц получит то, что хочет. Никаких авансов или взяток он скорее всего не получал, вот и не вызвал подозрений у ваших спецслужб.

– Теперь подождите, – приказал политик. Его нахмуренный взгляд не сулил ничего хорошего: преступнику, если слова Фокса подтвердятся, или детективу, если тот окажется не прав.

Не открывая рта, Советник раздавал в разные ведомства один приказ за другим, одновременно обсуждая ситуацию по закрытой линии со службой безопасности. Там уже началась повторная, более тщательная и широкая проверка всех действий вице-министра охоты и

туризма, его окружения и семьи в последние десять лет. Фокс терпеливо молчал, хотя могло показаться, что он уже забыл про их разговор и погрузился в собственные мысли или даже мечты.

В тягостном молчании прошло несколько минут, за которые странный человек пять раз сменил позу, мучимый несовершенством своего допотопного тела. Советника это практически бесило: дикий и неапгрейженный собеседник казался ему грязным вонючим бродягой, зверем или прокажённым, покрытым заразными струпьями. Хорошо, что их встреча была дистанционной.

– О, – сказал наконец Советник.

– Нашли?

– Устраивая пару случаев, он всё-таки оставил следы. У нас появились зацепки. Дознаватели уже занялись вице-министром... ЧТО?!

Советник резко выпрямился и застыл, получая сразу несколько срочных сообщений по разным каналам. Фокс внимательно и ожидающе смотрел на него.

– Видимо, крон-принц держал свою пешку под постоянным надзором, – прерывисто выдохнул Советник. – Не прошло и минуты, как мои люди посадили вице-министра под принудительный допрос, а глашатай Мигор-Шолета уже аннулировал его участие в совете инвесторов звездных врат. Не знаю, зачем он это сделал, мы бы всё равно к нему никак не подкопались и даже не стали бы пытаться.

– Может, это показательный жест, проявление пресловутой алеудской чести? Замысел не удался, крон-принц разворачивается и покидает место действия. А скрывать свои намерения ниже его достоинства, теперь, когда они были раскрыты.

– Кто их разберет, этих бегемотов, с их запутанным кодексом моралей, – пожал плечами Советник. Но было видно, что его смятение отходит на задний план, а на передний возвращается привычный руководящий стиль с немалой долей апломба. – И вот ещё, наблюдение доложило, что в дом вице-министра доставили подарок от Мигор-Шолета! Сейчас его просвечивают и досматривают.

– Думаю, это золотистая капля, похожая на янтарь, – помедлив, сказал Фокс.

– Что за капля, просветите?

Советник мог сам получить ответ на этот вопрос, задав его собственному секретарю и помощнику, искусственному интеллекту, который был подключён к его мозгу напрямую через нейрочип. Как у всех нормальных людей! Но почему-то инстинктивно, не успев даже подумать, он задал вопрос сыщику. Как будто уже уверился, что ответам, которые даёт этот странный человек, можно доверять. И детектив не обманул доверие.

– Это королевская слеза, – ответил он. – Испытывая стресс и разочарование, алеуды бурлят и клокочат внутри, их тело вырабатывает разрушительное вещество, от которого тут же спешит избавиться. Эволюционный механизм защиты, ведь их родина крайне химически-агрессивная планета.

– Вот как. И что же означает этот зловещий дар?

– Зловещие намерения крон-принца. У алеудской аристократии так принято: владыка может послать свою застывшую слезу тому, кем по-настоящему недоволен. В данном случае, получателем стал вице-министр.

– Это обещание наказания?

– Скорее напоминание о провале и декларация вражды. Одна слеза сама по себе ничего не значит, это больше символ. Но если один человек получит две таких слезы, ему не жить. Уничтожить его станет делом чести любого алеуда во вселенной.

– Посылку изучили, признали безопасной и вскрыли, – пробормотал Советник.

– Слеза?

– Нет, – политик усмехнулся. – На этот раз вы ошиблись, мистер Фокс.

Детектив удивлённо нахмурился. Он не так уж и часто оказывался не прав, и ощущение потери контроля было непривычным и неприятным.

– Нельзя же разгадать каждую загадку, верно? – политик с образцовым сочувствием склонил голову набок. – В посылке лежит оплата. Открытая линия ровно на пятьсот миллионов, которые принц обещал вице-министру. И заплатил, невзирая на провал. Большие деньги, но принц прекрасно знает, что их никто не получит и не запросит. Однако, он и сам их потерял: они так и будут лежать на открытой линии, удержанные банком, пока вице-министр их не потребует, или пока он не умрёт... У крон-принца изошрённое чувство юмора.

– Вот как, – вздохнул сыщик, растирая ноющее плечо.

– Как не занимательны эти культурологические открытия, – хмыкнул Советник, – наша встреча подошла к концу. Ваша роль в этом деле сыграна, мистер Фокс. Помните, что никакие из обстоятельств нашего разговора и вашего расследования не могут быть обнародованы и переданы третьим лицами; на вашу память накладывается бло... Проклятье, у вас же нет сохраняемой памяти!

– Только та, что внутри этой коробочки, – пожал плечами детектив, коснувшись пальцем лба.

– Как угодно, – закатил глаза Советник. – Главное, что вы не имеете права извлекать её в любом конвертируемом формате и выкладывать в сеть. Не забывайте, что и попытка рассказать кому-нибудь по-старинке, голосом, приведет вас под суд.

– Договорились. На этом наш контракт считается выполненным? – осведомился Фокс.

– Да, но... – политик колебался. – Я должен узнать, как вы сумели так быстро вычислить виновника. После проверки вице-министра у наших спецов не возникло даже мысли копать в эту сторону. Согласитесь, вся ваша гипотеза выглядела совершенно безумной... пока не оказалась правдой. Как вы смогли построить её на пустом месте, да ещё и с такой скоростью?!

Фокс не видел абсолютно никаких причин не отвечать на этот вопрос. Он уважал правду, даже любил её, и упорно предпочитал правду всему остальному, даже когда она была ему во вред.

– Вы искали улики, – ответил детектив. – А я искал интересную историю.

– Что это значит? – сжатые губы Советника выдавали его недовольство.

– Понимаете, если планета называется «Медея», то ты невольно обращаешься к мысли, что её кто-то обманул и предал.

– Ммм, то есть, название нашей планеты подарило вам блестящую догадку о том, где искать? – издевательски спросил Советник.

– Жизнь даёт нам знаки, – спокойно ответил детектив. – Мало кто обращает на них внимание, но я обращаю.

Его непроницаемый чёрный глаз блеснул чуть ярче, чем раньше. Искорка в его глубине напоминала далёкую звезду. Синего цвета... нет, желтого... или красного?

– Теперь вы заявляете, что верите в мистику?!

– Это не мистика, а нарративное мифотворчество. Мой метод.

– И он заключается в том, чтобы придумать преступление вместо того, чтобы расследовать его? – рассмеялся Советник, довольный своей иронией.

– И он заключается в том, чтобы придумать преступление вместо того, чтобы расследовать его, – абсолютно серьёзно ответил детектив.

Лицо политика изменилось. Пока мистер Фокс говорил последнюю фразу, ему поступали новые данные, включая первые результаты жесткого ментального допроса вице-министра. И, кажется, нашлись первые свидетельства саботажа звездных врат. Саботажа, который грозил ужасающей катастрофой, которую теперь удастся предотвратить.

Похоже, сидящий напротив неандерталец оказался во всём прав, в каждом своём допущении.

– Но тогда получается, – уточнил Советник, глядя на Фокса уже не только с недоверием и неприязнью, которые не мог побороть, но и с невольным восхищением, – вы ещё до начала нашей встречи уже раскрыли дело?

Фокс промолчал. Он сосредоточенно массировал шею, будто от этого зависела его жизнь. Какая всё-таки невоспитанность. Взгляд политика упал на чашку кофе, боже, ну и древность, и на странную штуковину, лежащую рядом. Встроенный анализатор подсказал, что эта штука называется «блокнот», абсолютно неудобное приспособление, в которое люди начала прошлого тысячелетия вручную (!) записывали (!!) свои заметки. В стремительном мозгу класса «превосходство» внезапно сложилась полная картина произошедшего.

– Вы получили приглашение к беседе от моего секретариата, присели изучить материалы, и даже не успели допить чашку кофе, как уже во всём разобрались, – упавшим голосом сказал Советник.

– Вероятно, это не такое уж и сложное дело, – пожал плечами спокойный первобытный человек.

– Вот почему вы работаете не с почасовой оплатой, как было бы выгоднее, а с понедельной, и при заключении контракта берёте аванс за месяц работы, – закончил политик. – Потому что вы слишком быстро раскрываете дела!

– Тут вы угадали, – Фокс впервые открыто улыбнулся. – Работать с почасовой оплатой у меня получается не очень.

Он не сказал, что в этом есть и свои плюсы. Во-первых, удобно получать месячную ставку, отработав час-полтора. Но главное, когда быстро раскрываешь дело, так же быстро исчезает необходимость общаться с презрительными и надутыми индюками, такими как этот.

– От лица нашего правительства, – выпрямившись, официально произнес Советник, который, как ни старался, так и не мог выбрать, как относиться к этому странному субъекту: с уничижительным презрением, тотальным недоумением или неохотным восхищением, – выражаю вам благодарность, мистер Фокс. Ваш рейтинг доверия на нашей планете будет повышен до... первого класса.

Последнее он выдавил, чуть ли не скрипя зубами. Без единого улучшения – и в первый класс, неслыханно!

– Благодаря вашей версии мы нейтрализуем аварию звездных врат, которая... Страшно подумать, были бы по меньшей мере десятки тысяч жертв. Что за существо этот принц? – Советник взял себя в руки, его голос и взгляд снова отвердел. – Было бы бесчестно не выплатить вам премию за спасение стольких жизней и сохранение огромных бюджетных сумм, которые обратились бы в пыль. Я распорядился перевести на ваш счет дополнительную оплату в десятикратном размере от оговорённой. Помните, мистер Фокс, что на Медее высоко ценят результат.

Почти годовая ставка за час. Советник хотел впечатлить этого дикого человека – и, вроде бы, ему это удалось.

– Не откажусь, – серьёзно кивнул Фокс.

Ведь деньги ему действительно были нужны.

* * *

– Школько можно шдать?! – прошипел приземистый крулианец, возмущённо сплетая и расплетая своё змеевидное тело, состоящее из двух ремней, вроде-зелёного и будто-бы-синего. Сейчас они сплелись наподобие косички. – Я вещь ижвёлся, иждевашельство! Будешь покупать или не будешь покупать, человек?! Скажжиииии!!!

– Камня?

– Ну, этот материал. Он твёрдый, очень крепкий. Отвечает на импульсы, реагирует, но не рашкрывается. Деда научил меня разным импульсам, которые нашёл за долгие годы. Так что я знаю, как его сделать прозрачным. Но внутри ничего нет. Нет двигателя, нет навигации, и как на нём летать? Вот зачем он тебе, а?

– Он мне нравится, – честно ответил Фокс. – За сколько бы ты его продал?

– Бери за десять тысяч, шумашедший, – засвистел змей, подрагивая от хохота. – Только ссамовывожом, сссссс.

Это и правда была смешная шутка: покупай неподъёмную стоячую бандуру и как-нибудь убирайся.

Фокс положил руку на гладкий чёрный бок. Ни единой царапины, хотя корабль был очень стар. Такой гладкий, рука скользила, не задерживаясь, не находя опоры, но при этом чёрный корабль не блестел, матовые линии плавно сходились к рёбрам и остриям.

– Дай угадаю, – сказал детектив. – При одном из импульсов вот здесь, на носу корабля проявляется сложный светящийся узор, словно созвездие? Секунду мерцает и гаснет?

– Што? – замер змей. – Как ты ужнал?

– Кажется, я знаю, что это за корабль, Муффа. Какой он расы и сколько примерно ему лет. Почему он такой странный и не летает.

– Почему? – глазки жадно уставились на него, не моргая. Высунутый тонкий растроенный язык замер, подрагивая от нетерпения.

– Я расскажу тебе, когда мы совершим сделку.

– Шшшшельмовство, – с сомнением протянул крулианец. – Чую хитросось.

– Никакой хитрости, но есть причина. Её я тоже расскажу, когда корабль станет моим.

Змей молчал, раскачиваясь, словно в транс. Он взвешивал все «за» и «против».

– Ты не шлучайно прилетел в наше гнездо, да? Не проссто так обратил внимание на эту... штуку. Ты искал именно её, ага?

Фокс был предан правде. Конечно, он умел лгать, когда требуется, врал легко и изошрённо – нужное качество в работе сыщика. Но он любил говорить, как есть. Правда давала ему чувство личной свободы, и Фокс часто говорил правду даже в ущерб себе.

– Да, – прямо ответил он. – Муффа, я мог бы молча купить этот ненужный твоему гнезду и твоему роду хлам, и ничего не сказать. Но я расскажу, поэтому что это имеет значение.

– Ссогласен, – прошептал змей, протягивая человеку кончик хвоста. – Триццать тыщаш. По рукам?

– По рукам.

Человек вынул из кармана старинное и поразительно неудобное приспособление: маленький инфо-кристалл. В нём хранились документы и данные Фокса Одда, его счета и деньги. Неуклюжая, но надежная, странная штуковина – как и сам её хозяин, кристалл был настроен на Фокса пятью ступенями защит. Не то, чтобы более современные устройства не могли подделывать или обойти эти защиты, ещё как могли. Но обойти все пять сразу требовало уже значительных ресурсов и мощностей, которые могут быть у крупной корпорации, богатой семьи или правительства развитой планеты. А какое дело большим и великим до маленького сыщика? До сих пор личные данные Фокса были в безопасности.

Ещё они дублировались в Великой Сети, а её взломать было уже невозможно, ни с какими технологиями. Так что, даже без всяких улучшений и имплантов, Фокс всё-таки был полноценным гражданином, и память системы защищала его гораздо сильнее, чем старенький девайс.

Кристалл загорелся и едва слышно прошелестел, сделка состоялась, счёт детектива покинули тридцать тысяч, а необычный корабль перешёл в собственность странного человека.

– Ну? – задрал голову, выпрашивал змей. – Я жду.

– Это корабль-исследователь, разведчик и навигатор. Он был создан расой, которая давно умерла. Они назывались сайны и были развиты во времена, когда большинство остальных копошились на поверхностях своих планет.

– Сайны? Про таких не слышал.

– Летающие медузы. Дети планеты, где вода и атмосфера переходили одна в другую, десятки слоёв разной плотности, слоёный газовый гигант с ледяным ядром. Говорят, они облетели весь космос, но почему-то не колонизировали ни одной системы. Несмотря на всё развитие, они так и не покинули свою прародину. Однажды планета сайн высохла, и они погибли. Это было примерно два миллиона оборотов назад.

– Сколько?!

– Два миллиона. Мгновение для космоса.

– Но вечность для нас!

– Сделай импульс, который вызывает узор.

Змей почти не двинулся: он, как и все нормальные граждане развитых миров галактики, обладал нейрочипом в голове. Усилие воли, и с крыши дока свесился импульсный излучатель: вещь, без которой не обойдётся ни одна ремонтная станция в космосе. Импульс был неслышен человеческому уху, но раздражал змеиное – Муффа сморщился и зашипел.

На носу чёрной стрелы медленно проступили сложные асимметричные узоры: сначала из темноты стали мерцать едва видимые звезды, потом между ними протянулись тонкие нити. Узор созвездий мерцал и уже постепенно гас.

– Это название корабля, его метка и марка, – сказал Фокс, снова коснувшись притягательного тёмного стекла, хранящего столько тысячелетий и тайн.

– И как называется?

– Понятия не имею. Для этого нужен специалист по культуре сайн. Пока я могу только радоваться, что наконец-то его нашёл и сумел купить!

– Для чего он тебе сдался?!

– Пока не понял, – честно ответил Фокс Одд. – Но мне кажется... чтобы понять, что мне дальше делать в жизни.

– Чего? Ты спросишь совета у древнего корабля? – изумился Муффа, хлопая глазками.

– Давай попробуем зайти внутрь. Ты говорил, внутри ничего?

– Сплошное стекло. Он не рашкрывается.

– Смотри.

Детектив двинулся вперёд, и за долю секунды до того, как он ударился о борт корабля, чёрное стекло начало раздаваться, раздвигаться перед ним, расходясь на бесчисленные кристаллические полоски, проваливаясь внутрь и в стороны. Оно словно таяло, зубчато и красиво, двигалось само в себя.

– Ашшшш! – восхищённо зашипел змей.

Фокс вошёл внутрь, и везде, куда падал его взгляд, чёрное стекло втягивалось и втягивалось, образуя открытое пространство. Пока не осталась тонкая стеклянная оболочка, дымчато-тёмная, но теперь полупрозрачная, и просторная рубка внутри, совершенно гладкая и пустая. Змей видел фигуру человека, который нервно вертел головой, осматриваясь в полутьме.

Внезапно человек начал садиться – и навстречу его движению из пола с легкостью и чистотой движений выросло подходящее кресло.

– Чудо, чудо, – раскачиваясь, шептал Муффа. – Ты владыка древнего корабля?

– Нет. Но у меня есть его глаз.

– Глаз?

– Его навигационный центр.

осязать только когда находишься рядом. Значит, чтобы вывезти эту древнюю штуку из твоего ангара, мне нужно её скрыть. А для этого мне понадобится ещё один...

– Корабль! – радостно зашипел Муффа. И тут же добавил, – Втридорога. Понял? Втрое дороже.

– Дорогой Муффа, – усмехнулся Фокс. – Чтобы наша сделка была по-настоящему честной, я просто отдам тебе всё, что у меня есть.

И перевёл возбуждённому от радости старьевщику ещё триста пятьдесят тысяч.

Бывают разные сделки и разные люди, которые их совершают. Для хитрых дельцов главное урвать свою выгоду, оставив с носом тех, с кем ведут дела. Умные стратеги стремятся к пределу рациональности, выискивая условия, которые принесут пользу всем – но им всё же больше. Неловкие раздолбаи упускают выгоду и возможности, даже не понимая того. А порой встречаются бесшабашные весельчаки, для которых кураж и красота сделки значат больше, чем результат.

Фокс не принадлежал ни к одному из этих типажей. Его действиями руководили одновременно три фактора: человеколюбие (в данном случае, змеелюбие), трезвый расчёт и удивительное знание жизни. Причём, все три фактора в равной мере.

Он с лёгкостью мог бы выйти из этой сделки «победителем», купив уникальный реликт за бесценок. Но сыщик знал, что эта пиррова победа приведёт к неминуемой гибели не только несчастных змеек, но и его самого. Ведь несмотря на легкомысленную внешность и поведение, крулианцы очень дотошные существа. Почуввав недосказанное, Муффа бы стал одержим упущенной выгодой, ведь змейкам, прирождённым торговцам, было невыносимо проморгать самый выгодный контракт. В поисках возмещения, крулианец стал бы думать, кому продать информацию о странном корабле и необычном покупателе. И попался бы на глаза *тем, кто ищет*. Тем, кто методично, на протяжении тысячелетий, по всей галактике находят и уничтожают наследие сайн – вместе со всеми, кто к нему прикоснулся.

Фокс уже встречался с этими существами, и смог сбежать и спрятаться лишь благодаря идеальной импровизации и редкой удаче. Тогда ему выпал один шанс на миллион, и он понимал, что следующая встреча будет последней. Фокс уже знал, что с *ними* нельзя найти общий язык. Стоит информации просочиться вовне – техно-гнездо будет уничтожено, и вечные выйдут на его след.

Поэтому детектив рассказал змею правду: чтобы тот не выдал тайну больше никому – из чувства самосохранения. Отдать ему почти все деньги было не только великодушным жестом доброй воли, но, главное, надёжным психологическим якорем. Ведь обчистив Фокса досуха, крулианец был уверен, что совершил лучшую из возможных сделок. И его беспокойная торгашеская совесть стала чиста.

Муффа не знал, что этот корабль, последний сохранившийся наследник древней сверхразвитой цивилизации стоит... миллиарды. Те копейки, которые детектив отдал за обладание им, были пылью на дорогах судьбы. Но они почти гарантировали, что сделка навсегда останется в секрете.

Почти.

* * *

Неуклюжий, раздолбанный мусоровоз, выносливый, как миллиард тягловых верблюдов и бронированный, как зубчатая крепость Киприода (которая семнадцать лет выдерживала нашествия кварковой орды) – баржа с гордым названием «Мусорог» медленно выплыла из ангара.

Её хозяин, только что официально зарегистрированный «гражданский капитан шестого класса Фокс Одд», гордо стоял на крошечном мостике, где даже одному было уже тесно-

вато. Как оказалось, на «Мусороге» летали шелкопрядки: представители расы, по росту вдвое меньше людей. У них были цепкие паучьи лапы, поэтому стены по всей барже оказались ребристые, чтобы нормальный мусорный менеджер мог удобно передвигаться по стенам и потолкам. А тоннели из одного отдела в другой шли не только вниз, но и поверху, поэтому мусоровоз немного напоминал голову швейцарского сыра, которую мыши основательно проели изнутри.

Большая часть пространства ушла под четыре обширных склада, три из которых пустовали, а один был забит неразобраным старым мусором, который пылился в паучьем царстве много лет. Там, среди траченых временем ржавых гор, врезанный в ребристую стену и закрытый бронированными щитами, спрятался древний корабль сайн. Мусорные пики надёжно скрывали его от любых случайных или намеренных взглядов.

Фокс неплохо справлялся с ведением «Мусорога», учитывая, что сидеть ему было негде, ведь паучкам не требовались стулья и кресла, диваны и кровати. Ничего, утешал себя новоявленный капитан, соберу небольшую дружную команду, залечу на планету ИКЕА-1943 и куплю набор мебели «Уютный грузовоз»!

«Мусорог» двигался по широкой траектории, подходя к звёздным вратам. Он уже получил разрешение на пролёт и ждал своей очереди, чтобы покинуть эту систему, прыгнуть далеко-далеко отсюда, в новый мир, который, как был абсолютно уверен Фокс, очень ждал его.

В кошельке у сыщика стало практически пусто, но он запасся топливом и провиантом, а главное, перенастроил систему жизнедеятельности на человеческую, так что в его владении хранилось более чем достаточно воздуха и воды. Хотя в воздухе висел неистребимый металлический запах, а в воде чувствовался привкус ржавчины и машинного масла. Но не такой уж и сильный.

– Вам посылка! – сказал приятный и дружелюбный голос. Всё бы ничего, только голос шёл из-за спины детектива, где не было ни динамиков, ни передатчика, ничего. Фокс вздрогнул и обернулся.

Перед ним маячил аккуратный пурпурный овал портала, разрыв в пространстве, очерченного блестящей рамкой, символом корпорации «Ноль». В портале светилось лицо милой девушки (представитель каждой расы увидит и услышит своё), которая, улыбаясь, протягивала маленький аккуратный футляр. Что там: сокровище, послание, зов о помощи, кварковая бомба? Портальная доставка стоила крайне недёшево.

– От кого посылка? – с пересохшим горлом спросил детектив. Если это дар друга, система ответит одно из нескольких имён, которым Фокс мог доверять. Если это ловушка из рук врага, он услышит лживый или завуалированный ответ, маскировку...

– Мигор-Шолет, его высочество, крон-принц Эссинеи, Алеуды и фарейской туманности, третий наследник великой империи алеудов. Шлёт вам свою признательность и свой личный дар. Это большая честь для простого смертного, получить его.

Фокс молча протянул руку и взял футляр. Он знал, что там будет.

– С наилучшими пожеланиями от корпорации «Ноль»! – мило рассмеялась девушка. – Помните: мы всегда рядом.

Портал закрылся и наступила тишина. У Фокса ужасно ныла продутая шея, ломило локти и колени. Он лихорадочно массировал загривок. Этот проклятый позвонок, вечно сдвинутый чуть налево, он защемлял нерв и отдавался болью в руках, спине и даже в ногах. Черт бы тебя побрал, тело, сколько можно меня истязать? Человек не может существовать без своего бессменного спутника и друга. Человеку нестерпимо нужен диван.

По счастью, здесь стоял пустой контейнер, забытый безответственным пауком. Детектив присел на краешек и облегчённо выдохнул. Шкатулка от принца наверняка генетически закодирована на прикосновение Фокса... Ну да, крышка мягко скользнула вверх.

В ложе мрачно-синего бархата (у алеудов тёмно-синяя кровь) блестела маленькая золотая капля. Человек представил, как над ним навис трехметровый шестнадцатирогий бегемот с царственно-белой шкурой и слезящимися маленькими глазами, с тяжёлым носом и большим, печально выгнутом ртом, полным жвательных пластин. Как он покачивает золотыми рогами, которые инкрустированы сотней сверкающих драгоценностей, и произносит одно лишь слово: «Муууоорррг».

«Отныне и навеки, мой враг».

До следующей истории, мои друзья.

Дело #2

Полнота картины

«Люди принимают решения, не зная всей полноты картины, и совершают поступки, о которых жалеют всю жизнь. Мой совет каждому, кто хочет принять важное решение: сначала спросите себя, вижу ли я всю картину, или только её часть?»

Бриллиантовый Коуч, имя утеряно. Из архива дозвёздных мудростей планеты Земля.

Боль выдрала Фокса из забытья. Сдавленно дыша, он сплюнул кровь и увидел, как она падает вниз. Внизу извивалась странная бело-голубая пустота, в которой кружились десятки прозрачных синеватых... ветерков? Они набросились на кровь, как голодные пираньи. Мощные прозрачные тела закрутили алые капли – и мгновенно стёрли в ничто.

Фокс повернул голову, зарывав от боли в затёкшей шее, вывернутых руках и пережатых ногах. Справа от него висел ещё один несчастный: такой же вздёргнутый над бело-голубой пустотой, такой же окровавленный, ещё не пришедший в сознание. Судя по мягкому рыжему пуху и безвольно свисающему хвосту, по расе он был не человек, а гепардис. Сами себя они называли по-другому, что-то вроде «Мрррфрш», но человеческому горлу произнести такое было трудно. А судя по мускулам, военной одежде и тактическому поясу, по выбритым на лапе и на затылке полоскам, это был военный следак.

Значит, корпорация «Кристалльная чистота» тайно от Фокса наняла второго профи вдобавок к самому детективу. И Меценаты взяли их обоих. Проклятье, проклятье, проклятье! Это было страшно, крайне глупо и главное, Фокс этого совершенно не предусмотрел. Его мысли металась от сценария к сценарию, но ни в одном не было благополучного исхода. Несчастный, ни в чём не виновный кошак-следак погибал первым.

Взгляд детектива, нервный и цепкий, облетел пространство вокруг; он извивался в своих путях, терпел боль, только чтобы как следует осмотреться.

Они были в здоровенном ангаре, в темноте угадывались контуры малых боевых кораблей, сверху свисали гроздья беспилотников. Это хороший знак: половина флота Меценатов в ангаре, значит, налёт на «Кристалльную чистоту» ещё только готовится.

Место в центре ангара освещалось куда лучше. Прямо под Фоксом и его товарищем по несчастью развернулся большой квадратный аквариум из прозрачных стен и пола, заполненный «ветерками». А вокруг раскинулся целый зрительный зал, полный удобных кресел, чтобы наблюдать за тем, как казнят очередную жертву. Но сейчас зрителей не было.

– Они очнулись, Трай, – раздался сладострастный голос, слегка гортанный и при этом глубокий, чувственный.

Говорила высокая, стройная и сильная женщина-ящерка, длинный хвост которой покрывали мерцающие татуировки, похожие на неоновые узоры. Её гордо выгнутый гребень светился такой же раскраской и показывал наивысший статус в групповой иерархии ящернов. Она шла в стае сразу за вожаком.

Фокс знал, как её зовут: Камарра, и знал, кто она такая. Выдающийся археолог, специалистка по артефактам древних вымерших цивилизаций. Её плоская, покрытая чешуёй грудь была увешана амулетами, и каждый из них выглядел по-своему, потому что все они были украдены, куплены или отняты на разных планетах. Камарра примкнула к Меценатам всего год назад, но уже добилась огромного успеха и поднялась на самый верх этой пугающей криминальной организации. Ведь хитрость, жестокость и, главное, успешность Меценатов славились на весь сектор. А боевая сила их бандитской станции и флота внушала опасения правительству большинства ближайших систем.

Зов Камарры был обращён к двоим Меценатам, которые совещались, обсуждая голографические планы нападения на конвой корпорации «Кристалльная чистота». Это была простая и очевидная деталь: если охотники не прячут свои планы, значит, они не собираются оставлять пленников в живых.

Вожак с ближайшим помощником повернулись и подошли ближе. Первый был настоящий гигант, могучий, весь в пластичной геранской броне, из-под которой выступали боевые наросты. Тоже из ящернов, только генно- и техно-модифицированный, огромный, в десять раз сильнее человека. Колочий гребень с боевой раскраской – очевидно, это был Трайбер, вождь Меценатов, прославленный воин и убийца. На его гребне чернели отметки, уже почти сотня: имена выдающихся бойцов, убитых Трайбером в поединках.

В отличие от пары ящернов, не скрывавших своей личности ради славы, Фокс ничего не знал про их помощника, тактика и стратега. Только его имя, Стальной Нюхач. О носителе этого имени ходили лишь слухи, тем интереснее, что стратегом оказался родич Фокса по расе, человек.

Но было сложно представить более непохожего родственника: утончённый, худой и вытянутый, практически голый, всё тело покрыто тускло блестящим литым шитьём. Стальные нити входили прямо в тело Нюхача и вырастали из него – наверняка прошиты напрямую в позвоночник и нервы. Нюхач больше походил на великолепное и неуловимо-отвратительное насекомое, чем на человека. От каждой части его тела отходило несколько тускло-стальных нитей, которые не свисали вниз, а медленно трепетали в воздухе. Чувствительные щупы, считыватели и передатчики информации.

Итак, верхушка Меценатов предстала перед Фоксом (то есть, под ним и несколько левее). Они уселись на лучшие места, отгороженные от обычных кресел. Детектив и кошка висели метрах в восьми над полом, прямо над квадратной коробкой, стены и пол которой образовывало силовое поле. Видимо, это был единственный способ удержать ветерки, потому что материальные ограды они стирали в порошок. Сейчас удивительные существа плавали и ныряли в воздухе, переливались друг через друга, как прозрачные волны. Они жадно тянулись вверх, к Фоксу и гепардису, но не могли подняться выше шести метров над полом. Почему?

– Гадаешь, отчего они не взмоют вверх и не помножат тебя на ноль, милый детектив? – спросил Нюхач мягким, шипящим голосом, словно кто-то лил кипящее масло на горячий, но не раскалённый металл. Он мелодично рассмеялся, и тусклые нити едва слышно зазвенели, раскачиваясь в воздухе. – Я расскажу, маленький сыщик. Ириалины, существа-ветерки, рабы гравитации. В своём родном мире они уничтожают все материальное, питаются распадом, и когда насыщаются, становятся грязными, полными мельчайшей атомной пыли. Их тянет к земле, и в самом низу, придавленные весом своих грехов, они умирают. А из павших душ рождаются новые, чистые, голодные ветерки. Летать им позволяют гравитационные неровности, к которым ириалины необычайно чувствительны. Поэтому они вытаскивают в своей планете извилистые тоннели, и мчатся по ним, надеясь поймать что-то материальное и утолить свою жажду. Всё живое избегает их, но магнитные полюса планеты часто смещаются, и ириалины получают возможность лететь в другом направлении, выгрызая себе тоннель и пожирая всё на своём пути...

Нюхач откинулся на спинку роскошного кресла, обитую чьим-то мехом.

– Их практически невозможно убить, ничто не берёт, – сказал он. – Но нужно всего лишь поставить станцию неподвижно, далеко от планет и звёзд, где гравитация не может существенно измениться. И поместить ветерки в силовое поле, которое они не способны прогрызть. И вот смертоносные убийцы могут лишь беспомощно тянуться вверх. Они почти дотягиваются до края стен, но никогда не перевьются через него и не сдуют на свободу. Так странно, что настолько совершенными созданиями так легко управлять.

– По-твоему, это было легко, изучить и приручить их? – с глубоким грудным смехом отозвалась Камарра, и кончик её роскошного чешуйчатого хвоста нежно обвил ножку кресла. Фокс впился взглядом в эту деталь, посмотрел на Нюхача и удивлённо моргнул.

– Нелегко, но на то ты и гений своего дела, – с поклоном ответил ей Нюхач.

– **Хватит болтать!** – рявкнул огромный ящерн, маленькие глазки которого взирали на всё вокруг с яростью и злобой. Самка затрепетала от рыка вожака и покорно склонила голову, прижала гребень. А стратег, если такое было возможно, ещё сильнее побледнел.

– **Начни с этого,** – приказал Трайбер, указав на кошака. – **Буди его.**

Стальной Нюхач повёл руками, металлические отростки затрепетали, и силовое поле, которое сковало и держало несчастного следака, резко сжалось, причиняя ему боль. Гепардис глухо застонал и пришёл в себя, он непонимающе озирался, извиваясь в силовых тисках. А затем резко вздрогнул и выдохнул, когда увидел вожака.

– Нет! – вскрикнул гепардис на своём языке, но все поняли значение его возгласа. – Нет!

– **Да,** – безжалостно ответил ящерн, уставившись на пленника взглядом, полным ненависти. – **Ты сдохнешь, потому что решил перейти мне дорогу. Тогда, в войне за Варруну, и сейчас.**

– Но ты останешься жив, если расскажешь нам всё, – чувственно, призывно пообещала Камарра. – Ну же, говори!

Фокс смотрел на военного сыщика, и видел, как в его глазах борются долг, честь и желание жить.

– Нет.

То же самое слово, но сказано совсем по-другому. Фокс ощутил искреннее уважение к следаку. Тем горше было безнадежное положение, в котором они оказались.

– **Ногу,** – пророкотал вождь.

Нюхач артистично взмахнул длинными пальцами, тусклые металлические нити затанцевали, и силовое поменяло конфигурацию, перетекло на два метра ниже, увлекая пленника за собой. Его нога освободилась и свесилась, врезавшись в прозрачные волны беснующихся от жажды ветерков.

Мгновение, и ноги не стало, сверху свисала культя, кровь толчками выливалась вниз, и гепардис начинал морщиться от изумления и боли, которую только сейчас ощутил.

– **Зажми рану,** – приказал вожак, и силовое поле стиснуло культю, чтобы пленник не истёк кровью слишком быстро.

– **Теперь говори,** – потребовал ящерн.

Кровь капала из ровно обрезанной лапы кота, прозрачные ветерки танцевали, оттесняя друг друга от драгоценных капель, и за мгновения стирали их в ничто.

– Нет...

– **Вторую ногу.**

– Стойте, – хрипло воскликнул Фокс. – Я расскажу всё. Только не убивайте его, прошу. Всё будет сделано, как вы пожелаете!

Покрытый испариной, окровавленный, измученный гепардис поднял на человека лицо. Сквозь боль и ярость в его оскаленной морде проступило удивление, затем презрение.

– **Пусть будет так,** – кивнул ящерн.

Фокс снова вынужденно сплюнул вниз, прочищая горло, чтобы ответить. Кровь из ноги гепардиса едва сочилась сквозь силовые тиски, и тоже исчезала внизу, в извивающейся пустоте.

– Удобно, да? – усмехнулся Нюхач. – И уборка не требуется.

– **Ты. Человек. Расскажешь, зачем выслеживал Меценатов. Расскажешь, кто тебя нанял.**

– Это ты и так понимаешь, Трайбер, – ровно ответил Фокс. – Нас наняла корпорация «Кристалльная чистота», наняла отдельно друг от друга, чтобы мы вычислили, кто именно хочет напасть на их конвой и украсть уникальный артефакт, Сердце истины.

– **Они узнали, что будет нападение?** – настороженно рявкнул вождь.

– Узнали. Их внутреннее расследование вскрыло утечку, и они сумели вычислить Маккелена, который слил вам корпоративную тайну.

– То-то он не отправил последнюю часть кода, – фыркнул Нюхач. – Я же говорил, его взяли тёпленьким. Но они так и не узнали, кто именно купил их секреты, так?

– Не узнали, – согласился Фокс. – Маккелен убил себя, причём, таким способом, что посмертное сканирование и реконфигурация мозговых тканей ничего не дали. Служба безопасности «Кристалльной чистоты» зашла в тупик. Они наняли меня... и этого гепардуса, чтобы мы вычислили, кто именно замысливает рейд на артефакт.

Трое прославленных криминальных героев переглянулись.

– **Как ты вышел на нас? Как догадался?**

– На самом деле, несложно, – кашлянув, ответил Фокс. – То есть, никаких реальных улик на вас не было, поэтому безопасники не могли определить, откуда исходит угроза. Но я не работаю с уликами.

– Мы уже знаем, – плавно кивнула Камарра, и её тело красиво выгнулось в такт этому движению. – Ты не обычный сыщик. Ты аналитик, но оперируешь в первую очередь не массивами данных, а реперными точками. Выстраиваешь между ними семантические сюжетные схемы. Ты сверхразвитый логический интуит.

Её маленькие, но глубокие глаза смотрели на Фокса с куда большим интересом, чем у двоих остальных.

– Ты разузнала всё это, когда вы увидели, что я рою в вашу сторону? – недоумённо спросил детектив. Казалось, Камарра хочет что-то ответить, но она промолчала.

– **Как ты догадался?** – рявкнул ящерн. – **Отвечай!**

– По тому, как повёл себя Маккелен, – Фокс пожал плечами и тут же скривился от боли. – В обычной ситуации он бы просто сдался корпорации или властям. Получил бы полное обнуление статуса и несколько лет корпоративной отработки, а после ему светила дорога в технологи среднего звена. Сильное падение для ведущего технолога, но куда лучше, чем смерть. Его бы даже не бросили в тюрьму, такие опытные спецы по информационным системам слишком ценны, чтобы ими разбрасываться. А корпорация не мыслит обидами и мстостью, она мыслит бизнес-интересами. Тем более, корпорация, которую возглавляют живые кристаллы. Однако, Маккелен поступил кардинально иным образом. Причём, не раздумывая. У него было две минуты на то, чтобы оторваться от преследования, проникнуть в отсек утилизации и запустить процесс. Если бы он промедлил хотя бы несколько секунд, группа захвата успела бы взять его живым.

– Ну грохнул он себя, – сощурился Нюхач, – и чего такого?

– Если бы Маккелен продал план конвоя и коды защиты артефакта кому-то обычному, он бы просто сдался, – повторил Фокс. – Если бы работал на простую банду, на группу наемников, компашку искателей сокровищ, на другую корпорацию или на чьё-нибудь правительство. А раз уничтожил себя, да еще таким суровым способом, как промышленная переработка, значит, была причина.

– Какая?

– На кону стояла не его жизнь, а жизнь его семьи.

Трое убийц молчали. Гепардис, весь мокрый от испарины, посмотрел на них с ненавистью, а на Фокса с удивлением, как на говорящего червя. Зачем двуногий излагает всё это врагам, неужели не понимает, что его в любом случае прикончат?! Но глаза следака уже начинали обесмысливаться, теряться. Фокс торопливо продолжил:

– Когда Маккелен попался, он убил себя, чтобы вас не выдать. Иначе бы вы убили его детей. Ведь такой у вас был уговор и средство шантажа?

– Да, – не таясь и не играя, ответил вожак.

– Он мог заключить с корпорацией сделку, чтобы его семью взяли под защиту. Но он не стал этого делать, так как знал, что даже высшая корпоративная защита в конечном итоге не спасёт его семью. Только небольшое количество самых влиятельных преступных организаций в секторе способны достать семью, защищённую программой полной безопасности, – сплюнув кровью, закончил Фокс. – Но не все из них настолько жестоки и безжалостны, чтобы Маккелен не раздумывая и не колеблясь убил себя.

– Ну предположим, – вкрадчиво произнёс Нюхач, – ты отмёл всякую шуштуру, всякую мелочь, отодвинул в сторону цивилизных и *гуманистичненьких* игроков. Убрал всех недостаточно сильных с военно-технической стороны. И осталось пять-шесть настоящих хищников, настоящих хозяев сектора. Мы среди них. Но у тебя нет ни доказательств, ни фактов, только твой домысел, твоя интуиция, которой не поверит ни один настоящий следак, ни профи-безопасники. Да и как ты выберешь, кого из оставшихся копать и расследовать? Куда корпоратам тратить ресурсы здесь и сейчас, от каких кораблей и тактик защищаться, и как именно? Особенно, когда до налёта и ограбления остаётся в лучшем случае пара дней.

Фокс помедлил. Он пытался восстановить дыхание и прорваться через боль, ведь когда висишь избитым и скрюченным так долго, ощущения далеки от райских.

– **Говори!** – хлестнул рык Трайбера.

Камарра проникновенно, с точно рассчитанной жалостью и сочувствием в глубоком и волнующем голосе добавила:

– Лучше расскажи вождю всё, человек. Твоя жизнь зависит от того, сможешь ли ты быть нам полезен.

– Именно так, – поддакнул Нюхач. – Чем больше новой информации ты нам передашь, чем лучше мы поймём, где ошиблись и прокололись, чтобы учесть это на будущее, тем выше твой шанс уйти отсюда живым. Меценаты умеют быть благодарными.

Фокс прекрасно знал о методах благодарности Меценатов, поэтому против воли издал хрипящий звук, похожий то ли на усмешку, то ли на всхлип. Но скрывать и недоговаривать сейчас было бессмысленно.

– Мои заказчики на сто процентов уверены, что к этому делу причастен их главный конкурент: корпорация «DarkStar». Их служба безопасности взялась за это направление, а я был нанят специально, чтобы изучить альтернативные варианты. Чем я и занялся. Атомарное сканирование выявило следы неизвестного металла на коже Маккелена. От самого кодера ничего не осталось, но микрочастицы его кожи от обычных бытовых прикосновений остались в рабочем кабинете, на его одежде и вещах, – объяснил детектив. – Безопасники понятия не имели, о чём говорит наличие следов металла. Поначалу и у меня не было никаких гипотез. Это даже не улики, слишком маленькие объекты для сканирования и анализа. Может, просто какая-то примесь в воздухе, может, он что-то такое съел или купался в каком-нибудь бассейне, где вода содержит крохотные доли металла. Причина могла быть любой. А данных в отчете и обследовании было под сотню страниц. О металле упоминалось одной строчкой в конце в разделе «Детали». Так что эту деталь один раз торопливо проверили, не нашли объяснения и забыли.

Нюхач улыбнулся, не разжимая бледных губ.

– Но я уже положил перед собой пять самых опасных криминальных структур, контакт с которыми мог заставить Маккелена, не колеблясь, покончить с собой. И среди них были вы. Про вашего стратега ходят разные слухи и легенды, но никаких фактов. Ты прекрасно прячешься от галактики, Стальной Нюхач. Но ведь тебя почему-то зовут Стальным.

– Значит, если мыслить не фактами, а домыслами, не уликами, а идеями, то можно разгадать загадку? Дотянуться от атомарных следов металла до моего имени? – почти с восхище-

нием протянул стратег. – И чего ты нафантазировал, чтобы хоть как-то обосновать этот прыжок мысли?

– Я обратился к нано-системщикам и уточнил, что все кусочки кожи с металлом были с верхней части головы, а ещё с кончиков пальцев. Битый час пытался представить себе разные варианты такого сочетания... и самым жизненным и логичным мне показался вариант, что металл попал Маккелену на волосы, после этого кожа головы ныла и зудела, и Маккелен чесал её пальцами.

Фокс отдышался, но больше никто не прерывал его криком и не торопил.

– Подумав об этом, я представил, что некто из будущих грабителей выходит с Маккеленом на связь. Чтобы получить слитые данные или чтобы обсудить условия сделки. Это само по себе непростая задача, учитывая меры безопасности в крупной и технически развитой корпорации. Значит, должен быть необычный способ, который проморгала служба безопасности. Причём, Маккелен должен был общаться со своим заказчиком несколько раз.

Камарра недоверчиво хмыкнула. Фокс проигнорировал её и старательно продолжал свой рассказ:

– Я просмотрел легенды и слухи обо всех отобранных мной организациях. В одной есть телепаты, им не нужен телесный контакт. В другой нано-тех, но от него другие следы: органические полимеры, а не металл. Металл, даже технически продвинутый, штука давно устаревшая. Так отпали три организации, остались Меценаты и ещё один клан. Но у них нет никого с именем или прозвищем «Стальной», «Металлический», «Железный», в общем, никого из этой области таблицы Менделеева.

– Кого? – непонимающе спросил Нюхач, но детектив не стал объяснять.

– И ничего похожего на металлы в известных методах, которые они применяют. В общем, у меня была только одна смысловая связь между теми, кто планирует рейд – и их первой жертвой. Так как же связаны Стальной Нюхач, нужда в переговорах и следы металла на волосах и пальцах Маккелена?

Меценаты слушали, не издавая ни звука. И даже военный следак, из последних сил держась и не теряя сознание, слушал Фокса. К ненависти и презрению на искажённом болью и отчаянием лице примешивалось последнее, искреннее, чуть-чуть детское удивление.

– Я представил, как Маккелен чешет волосы, снова и снова. Потому что с ними что-то случилось, с ними что-то не так. Но что же не так? Может, то, что некоторые из его волос – на самом деле не его волосы? А металлические нити из тела Стального Нюхача? Которые Маккелен подобрал вне работы, и которые вплелись ему в голову, прячась между обычных волос. Слишком тонкие и обычные по материалу и устройству, никакой микромеханики внутри, никаких технологических ухищрений, просто самые обычные сверхтонкие струны металла. Чтобы сканеры не обратили на них внимание и не посчитали угрозой. А даже если обнаружат, то приняли за обычное украшение, косметический элемент. Мало ли как украшают себя представители разных рас и миров, работающих на корпорацию. Я проверил, на этой станции работает сто семнадцать разных видов, у всех свои обычаи и культура.

Гепардис прерывисто зашипел – он смеялся, и что-то пробормотал на своём языке, которого Фокс не знал. Но детектив был готов поспорить, что следак из последних сил прошептал что-то вроде: «Сумасшедший двуногий».

– И эти волосы из конкретного сплава, который реагирует на конкретную частоту излучения, – продолжил Фокс. – Так что, зная эту частоту, можно посылать импульсы и управлять волосами на голове Маккелена... как ты управляешь генераторами этого силового поля, Нюхач. Волосы получают импульс и с помощью незаметных вибраций проводят любые твои слова через черепную кость, прямо к ушному нерву. Так работали древние контактные наушники, они прикасались к виску, а носитель слышал музыку, как будто она играла у него в ушах. Так вышло, что я не поклонник совершенных технологий, и у меня нет нейра в голове. Но

есть именно такие наушники. Я задал экспертам несколько уточняющих вопросов, получил свои ответы. Ещё три часа пытался придумать другие версии, связующие все известные мне элементы дела. Но ничего не придумал.

Фокс помолчал.

– Так я и понял, что будущие грабители – вы.

Воцарилась пауза, сумрачно-тихая, как последнее затишье перед штормом.

– Да не может быть! – певуче, но страстно воскликнула Камарра. – Ты врешь, детектив. Как ты мог до всего этого дойти одной своей фантазией?

– Фантазия сильнее и правдивее, чем кажется большинству, – негромко ответил Фокс.

– Получается, мы нигде не прокололись, – торжественно развёл руками Нюхач, он встал и все нити вокруг его тела одновременно шелестели в воздухе, трепетали, выражая довольство и восторг. – Слышишь, вождь? Мы всё сделали правильно, без ошибок. Мы не оставили следов.

– Просто он на самых общих данных перебрал и отбросил все лишние варианты и постепенно дошёл до нас! – прогнувшись всем гибким телом и указывая на человека горящим узором хвостом, воскликнула Камарра. Было видно, что она дрожит от возбуждения. Она была достаточно умна, чтобы понять во всём объёме, насколько это удивительно. Фокс сморщился от горечи и отвращения. Как жаль, что такой талантливый разум служит таким уродливым целям и ведёт такую потерянную жизнь.

– **Что ещё?** – рявкнул вождь. Его маленькие, вечно злые глаза буравили человека. – **Хочешь жить? Говори!**

– Трайбер, – устало и обречённо сказал Фокс. – Мы же прекрасно знаем, что от моих слов ничего не зависит. Ты в любом случае меня убьешь.

– **А ты не дурак и не трус,** – медленно, хищно двинув плечами, кивнул ящерн. – **Правду про тебя говорили.**

– Но ты можешь не убивать бедного глупого кошака, – кротко сказал Фокс. – Которого тут вообще не должно быть. Который попал сюда только потому, что не нашёл своей собственной версии и решил проследить за мной, в надежде, что я выведу его на преступников. Пощади его, вождь. Он лишь грязь под твоими ногами, недостойный умереть от твоей руки. Я хоть как-то значим, а ты победил меня.

Ящерн гулко рассмеялся. Его огромная пасть, полная матёрых зубьев и клыков, усеянная мелкими острыми зубцами, разевалась и закрывалась несколько секунд, как дверь в ад.

– **Хорошо,** – пророкотал он, и ухватил за руку Нюхача. Дёрнул её на себя, прошёлся пальцами по извивающимся стальным нитям. Силовые тиски распахнулись, и безмянный гепардис с широко распахнутыми глазами рухнул вниз.

Фокса парализовало. Сдавленный неотвратимостью этого падения, он смотрел, как живое существо, маленькая трёхногая вселенная, падает в кишащую смертью пустоту. Как смерть прильнула к этой вселенной со всех сторон, жадно вжираясь в её плоть и в её душу, и истёрла гепардиса в пыль. Следак не успел долететь до пола, не успел издать ни звука, как его уже не стало. Всё произошло меньше, чем за секунду.

Человек, висящий над чистой пустотой, не мог двинуться. Планируя это дело, он не ждал такого исхода. Вися над бездной, ждал, но всё внутри отчаянно надеялось, что израненный, гордый следак будет жить...

– **Я освободил его,** – пророкотал вождь. – **Я очистил грязь у себя под ногами.**

Фокс изогнулся в тисках, забился в судороге, не управляя собой, лицо его скривилось, как мокрая тряпка, из глаз полились слёзы.

– Тупой придурок, – бормотал он, захлёбываясь гневом, – самоуверенный дебил, как ты мог. Зачем ты это сделал.

Вождь смотрел на то, как пленник содрогается наверху, со снисходительным презрением. Он не понял, что эти ругательства обращены не к нему.

– **А ты ведь знаменитость, Фокс Одд,** – тихо и низко пророкотал Трайбер. – **В некоторых кругах даже легенда. Ты удивишься, но мы наводили справки о тебе раньше, чем поняли, что ты копаешь под нас. Знаешь, почему?**

Детектив с трудом помотал головой. Эти слова стали для него ещё одной неожиданностью.

– Потому что, планируя это дело, – мягко ответил Нюхач за вождя, – мы с Камаррой оба, не сговариваясь, предложили нанять тебя, чтобы вычислить, где на самом деле будет Сердце истины. Ведь в конвое его не будет. Конвой пустышка, отвлекающий маневр. А где будет это проклятое сердце, мы так и не узнали. Информации, которую сдал нам Маккелен, оказалось недостаточно. Поэтому вы могли бы не искать нас, не расследовать, не рисковать жизнью. Мы бы всё равно не напали, потому что на самом деле не знаем, где этот чёртов артефакт.

Он умиленно и болезненно улыбнулся.

– Но корпорация ведь не знает, что мы не знаем. Поэтому они послали вас.

Фокс сдавленно засмеялся.

– Вот... идиоты... – выдохнул он. – Столько глупости... из-за одной дурацкой вещи... Я считаю, что живые... не должны умирать из-за вещей.

– Разве это простая вещь? – изумился Нюхач. – Ты вообще знаешь, что это за штука? Это артефакт древней цивилизации, которой больше нет с нами. И он позволяет воспринимать мысли любых разумных существ. Погружаться в их разум, выхватывать оттуда всё тайное и важное. Его не зря зовут «Сердце истины». С таким артефактом, дорогой детективишка, мы, Меценаты, станем гораздо сильнее, чем сейчас. Может, уничтожим конкурентов. Может, даже захватим с десятков миров и заложим свою звёздную империю.

– Ведь мы тоже знамениты, Фокс Одд, – напевно продолжила Камарра. – И мы гораздо знаменитее и легендарнее тебя. Мы мастера своего дела, и нас боятся все в этом секторе. Мы крали артефакты по всей галактике для сильных мира сего. И они защитят нас от трусливых корпораций и от правительств жалких миров. Зря ты полез на нас, Фокс Одд. Мы куда сильнее тебя. Надо было тебе сделать вид, что ты не догадался. И уйти прочь.

– **Но теперь поздно,** – рыкнул вождь. – **Теперь ты пошёл против нас, а мы тебя схватили. Я бы сразился с тобой, будь ты воин. Но ты просто мешок с костями. Поэтому ты просто умрешь.**

Он начал поднимать руку, чтобы скомандовать Нюхачу раскрыть силовой захват.

– Позволь мне сказать последнее слово, – презрительно усмехнулся Фокс.

Ящер кивнул, как будто ждал этого, на его хищной морде отразилось одобрение. Хорошая казнь не должна быть без церемоний. Победа над достойным соперником не должна окантоваться скомканной, не должна пройти второпях. Иначе на гребень нельзя добавить новую отметку.

– Ты не видишь всей картины, Трайбер. А вождь должен знать правду. Твоя самка, Камарра, отдаётся твоему ближайшему помощнику, Стальному Нюхачу. Хуже того: она глубоко его любит и по-настоящему ему предана. Тебя она видит как великолепный, но ограниченный экземпляр, как бездушное тело, которым можно и нужно пользоваться до поры до времени. Но это время истекает. Когда вы получите артефакт, который читает мысли, ты обязательно узнаешь, что они на самом деле думают о тебе. Они прекрасно понимают это, и знают, что вскоре должны тебя убить. И править Меценатами вместе. Они уже спланировали это.

Ящер смотрел на пленника спокойно, не мигая, его глазки сделались даже умильными. Моя молодая красавица, совершенное тело, соратник и боец, богатый и жирный мозг, изворотливость, достойная лучших воротил теневого бизнеса. Она и этот изнеженный хитрец? Ложь.

– Ты думаешь, что они несовместимы, как представители двух разных видов, – понимающе кивнул Фокс. – Сама идея страсти между ними кажется тебе нелепой и смешной. Но вождь должен знать правду. Ты наверняка слышал про межвидовые связи через нейро-линк.

Когда не важно, какой ты расы, какое у тебя тело – в ментосфере можно «надеть» любое тело, любой skin, попробовать любую связь. Они пробовали разные: когда он ящерн и когда она человек; когда они оба лиарры; когда они превращались в сгустки чистой боли и наслаждения, не скованные рамками тел. Им не нужно любить друг друга в физической реальности, Нюхачу достаточно прильнуть к телу Камарры парой своих тончайших стальных волос – чтобы владеть ей и чтобы разделять с ней радости жизни, вести разговоры о том, что для них обоих важно... а для тебя недоступно. Подумай, вождь, кто из вас ближе друг другу, кто душа в душу: ты с Камаррой или Камарра и Нюхач?

Ящерн скривился, в его глазах блеснула уничтожающая, всепожирающая ненависть, но он запрятал её глубоко и замер, не шелохнувшись, не издав ни звука.

Камарра громко, так громко прыснула в наступившей тишине, её хриплый смех разнёсся по пустому залу. Её реакция была совершенно натуральной, хотя в глубине глаз потемнело от страха. Какая чушь, говорила её мгновенно принятая поза, комедия, представь нас вместе, тонкого человечка и сильную, гибкую меня, как мы вообще способны...

Но Нюхач, бледный, живущий в страхе перед боссом и сознающий всю глубину своей вины – от неожиданной правды замер, как вкопанный, ведь сбылся его кошмар. Тусклые нити перестали трепетать, они застыли, как вытянутые тонкие иглы. Нюхач во мгновение ока превратился в ошестинившегося человек-ежа, это была честная, инстинктивная реакция.

И вот тогда, при виде этого, взгляд вождя изменился. Он стал неуловимо-резче, всё его громадное тело незримо напряглось, напружинилось, а в отвердевших чертах проявилась едва заметная смертоносность. Но он не двинулся с места, не позволяя рассказням какого-то чужака пробить брешь между ними, испытанными соратниками. Он дал своей самке и своему стратегу возможность оправдаться и объяснить.

И они оба очень хотели бы сейчас искусно солгать и найти правильные слова!

Но есть такие истины, которые, если вырвались наружу, обратно уже не загонишь. Камарра, при всём её уме и Нюхач, при всей его хитрости, лихорадочно искали и не находили, что именно соврать вожаку. «Человек лжет»? Хорошо, давайте получим Сердце истины и проверим, а раз я знаю о вашей угрозе, то вам уже не застать меня врасплох. «Любимый, я принадлежу только тебе»? Конечно, дорогая, только убей Нюхача, докажи свою преданность.

Любая неправда, сказанная в лицо Трайберу, вела в смертельный тупик. Огромный воин не был глупцом. Начиная с ним разговоры, они давали ему возможность загнать их в этот тупик, а потом самому первым наброситься. И убить. Поэтому Камарра и Стальной Нюхач уже не могли допустить разговоров. У них теперь не было выбора. Рука ящерики дёрнулась вниз, к хвосту.

Но огромный воитель ждал этого.

Грянул яростный гром, кресла и диваны взлетели в воздух, разносясь в разные стороны; Камарра ловко отпрыгнула, а Нюхача ударило кривым рядом из трёх кресел и смело на пол. Огромное тело вождя взвилось в воздух, сумасшедше-быстрое, с улучшенными рефлексами и мышечными процессорами. Камарра уже сорвала со своего тела два плазмана, спрятанные под хамелеон-плёнкой, невидимые в неоновом сияющих узорах. Она открыла по размытой фигуре «любимого» ураганный огонь. Но геранский доспех и безумная скорость реакции позволяли Трайберу уклоняться от выстрелов или получать обжигающие, но не смертельные удары по касательной. Он прыгнул не на Камарру, а на придавленного Нюхача, чтобы раскроить его одним ударом. Отрубил ему руку с нейро-плетью – но Нюхач притянул к себе силовое поле, в котором недавно висел гепардис, и закрылся им, как прозрачным щитом. Клинок увяз в поле в сантиметре от лба стратега, Нюхач полсекунды изо всех сил удерживал поле и себя в сцепке с полом, но затем сила вождя взломала пол, и Нюхача отшвырнуло назад. Весь в обломках, он врезался в ещё один ряд кресел и замер там в неестественной изломанной позе.

Трайбер уже перекатился в другую сторону, Камарра метнула в вождя импульсную гранату, тот швырнул навстречу выломанный из пола стул, они столкнулись в воздухе между самкой и самцом, грянул ослепительный взрыв. Фокс успел вовремя вжать голову и прикрыться плечом, да и висел высоко и в стороне, поэтому не ослеп. У Трайбера сработали фильтры-поглотители, у Камарры неоновая защита, они раскатились в разные стороны, и так вышло, что ящерка оказалась под защитой силового «аквариума», над которым висел Фокс. А вождь был на открытом пространстве. Поэтому его узкий фазовый клинок, пролетевший через полувину зала быстрее пули, ударил в поле и застрял в нём.

А Камарра, уже окровавленная и трясущаяся от взрыва и удара о пол, оставила на Трайбера один плазмаган... второй уже вышел из строя.

– Стой, мой маарши, – прошипела она судорожно, глотая воздух. – Стой. Дай мне сказать.

– **Нечего говорить,** – пророкотал вождь. – **Ты предала меня. Но ты промахнулась.**

А значит, ты умрешь.

Он был лишь слегка помят, не ранен, не оглушён. Один противник уже лежал без сознания с обрубленной рукой, избитый и слабый. Второй трясся в страхе перед ним. Вся их хваленая хитрость не выстояла против его мощи, решительности и мастерства. Её спасла лишь случайность, взрыв отбросил Камарру в сторону силовой клетки, в которой плавали «ветерки». Иначе его фазовый клинок уже забрал бы её жизнь.

– Я не промахнулась, маарши, повелитель, – голос Камарры был страшным, в нём сплелись воедино покорность, ненависть и смех. – Сложи свой гребень.

Вождь медленно ощупал гребень и нашёл там пальцами маленькую липкую каплю. Лицо его исказила ярость, он громко, сотрясающе заревел, разевая пасть, полную зубов. Вождь бросился вперёд, но бег его замедлился, руки и ноги конвульсивно задергались, могучий ящерн повалился на пол, не добежав метра до своей бывшей.

– Маарши, – ласково сказала Камарра, и в её узкой, изящной пасти показались ряды маленьких острых зубов. – Я давно приготовила эту смесь, специально для тебя. Я свела её из твоих генов, которыми ты одарил меня в избытке. Как и свойственно великим героям, тебя погубила твоя щедрость, мой вождь.

Трайбер содрогался, но не мог контролировать своё тело.

– Не страшись, это не позорная смерть от яда, – пропела Камарра. – Я бы не унизила тебя так. Это парализующая смесь. Убить тебя ядом, со всеми твоими улучшениями, было бы гораздо сложнее. А вот ненадолго парализовать я смогла.

Она рывком выдрала из силового поля его фазовый клинок.

– Я убью тебя своими руками и твоим клинком. А затем мы с моим *настоящим маарши* будем править нашим кланом. И мы родим наследников – свободных от единой формы, свободных от твоих племенных догм, они вознесутся выше твоего священного болота.

Ящерка медленно занесла мерцающее лезвие, глядя ему в глаза.

– Камарра, ты не знаешь всей полноты картины, – громко и отчётливо сказали сверху. – Твой «истинный и единственный» не любит тебя. Думаю, он вообще не умеет любить, потому что создан искусственно. Он работает на корпорацию «DarkStar» и занимается промышленным шпионажем, используя преступные группировки. Стальной Нюхач должен передать артефакт мистикам из «Тёмной звезды», тем, кто создал и вырастил его. Они прошли преданность своим создателям у него в генах, в подсознании, в крови. Нюхач не может их предать, а тебя использует, Камарра. И убьёт, как только с Трайбером будет покончено.

Ящерка подняла голову и посмотрела на Фокса дикими глазами. Если бы она могла, как стратег, управлять силовыми полями, детектив бы уже летел вниз головой в жадный поток ветерков. Во взгляде женщины слились и насмешка, и уничижение, но там был и страх. Ведь этот сыщик всё время оказывался прав.

– Мой маарши любит меня так же, как я предана ему, – прошипела Камарра, развернулась и указала на лежащего в разбитых креслах любимого. Только Нюхача там уже не было.

Взмах нейроплети, сухой и быстрый, ящерка задохнулась и замерла с поднятым фазовым клинком, покачнулась и осела на тушу сородича. Её глаза закатились, дыхание клокотало и затихло в глотке, хотя и не прервалось. Стальной Нюхач, весь окровавленный и разбитый, подплыл к ней бесшумно и незаметно – сотни стальных нитей несли его, словно многоножку, неслышно переступая по полу. Они держали неестественно изломанное тело, как будто тонкий и гибкий экзоскелет. Кутья была стянута металлической струной, а отрубленную руку с кнуром Нюхач держал в другой руке. Ей и ударил.

– Прости меня, Камарра, – прошептал стратег. Его губы были разбиты, а зубы искорёжены. – Я пытался полюбить тебя в ответ. Не изображать, не играть, а почувствовать то, что чувствуешь ты. Но сколько не пытался, так и не нашёл в себе ничего... настоящего. Меня больше радуют совпавшие расчёты, трепет познания и радость открытия, чем возможность обладать кем-то... или возможность быть вдвоём против мира. Я не хочу быть против мира, и не хочу быть за. Лучше где-то в стороне, наблюдать и не связывать себя чем-то... пустым и бессмысленным, как любовь.

Сильная, умная и страстная ящерка содрогнулась, пена вздулась в её ощеренной пасти, откуда исторгся слабый, болезненный стон. Предательство жгло глубже и больнее ударов нейроплети. Она силилась открыть глаза, выдохнуть, что-то сказать, но не могла, и лишь бессильно обмякла на броне своего вождя. Впрочем, Нюхач уже отвернулся от неё. Нити несли его в другую сторону, к тому, кто интересовал его гораздо сильнее.

– Поразительно, – прошептал стратег, разглядывая лохматого грязного человека, висящего под потолком. – Один маленький, подвешенный и бессильный человечек разбил вдребезги верхушку Меценатов. Ты уникальный экземпляр, Фокс Одд. Мне не хочется бросать тебя на съедение ветеркам. Видит тьма, они тебя недостойны.

– Но ты любишь знать правду, – кивнул детектив. – Правда, данные и точные выводы: вот, пожалуй, единственное, к чему ты не равнодушен.

– Так и есть. Я хочу знать, как ты вычислил все наши тайны так быстро и просто.

– Ты просто не знаешь всей картины, стратег, – признался Фокс. – Я ничего не вычислил. Я заглянул в ваши разумы и память, и увидел всё это.

– Заглянул? – тихо спросил Нюхач. Его нити задрожали.

– Да. С помощью Сердца истины. Ты же понимаешь, что такое парадоксальное мышление, Нюхач. Без артефакта я бы не справился с этим делом, а значит, не взялся бы за него. А если бы я не взялся и не вычислил, кто нападёт на корпорацию, они всё равно рисковали потерять артефакт. Следуя парадоксальной доктрине, совет «Кристалльной чистоты» отдал Сердце истины мне, на время миссии. Видишь ли, разумные кристаллы лишены сомнений, эмоций, страхов. Они просчитали риски и сочли моё предложение оптимальным.

– Но оно не может быть оптимальным, – прошептал Нюхач. – Если только...

Он замолчал, рука с рукой и плетью безвольно опустилась.

– Ты прав, стратег, – с трудом ответил измученный пленник сверху. – Теперь ты видишь почти всю картину целиком. Во-первых, благодаря Сердцу истины я понял ваши помыслы и почувствовал ваши тайны, а затем просто открыл их вам. Этого оказалось достаточно. Во-вторых, это не ваша разведка обнаружила и поймала меня: я сам подставился, чтобы быть пойманным и попасть к вам в плен. И чтобы через следящую прошивку в конфискованной у меня корпоративной карте доступа – «Кристалльная чистота» обнаружила вашу базу в открытом космосе.

Стены, пол и потолок вокруг сотряслись мелкой дрожью. Раздался отдалённый взрыв, ещё один, и ещё. Сдавленный визг металлокерамики заставил обоих поморщиться, даже через много этажей. Вибрации прошли справа-налево, сверху-вниз, станция Меценатов ходила ходу-

ном. Новые и новые взрывы врезались в энергетические щиты, атаки шли в разных спектрах, разными типами вооружений. А половина боевых кораблей клана была не развернута в космосе, а по-прежнему находилась здесь, в пустом зрительном зале. Меценаты не были готовы к штурму.

– Наши сканеры ничего не нашли, когда тебя обыскали, – слабо улыбнулся Нюхач. – Я сам ничего не нашел. Просто вставной глаз, без каких-либо свойств.

– Как и сканеры корпорации, которые не обнаружили стальные волосы Маккелена, – улыбнулся Фокс ему в ответ. – Технологий много, и они разные, стратег. Некоторые из них не могут справиться с некоторыми другими.

– Ты прав, человечек. В наш век нельзя полагаться только на технологии... Где оно? Сердце истины?

– У меня в левом глазу.

– Но почему же...

– Оно не сканируется никакими сканерами, не видно ни на каком радаре, его нельзя обнаружить издали, только увидеть вблизи.

– И если я отпущу тебя ветеркам...

– То Сердце умрёт вместе со мной. А ты не можешь этого допустить. Ты закодирован теми, кто тебя создал: сохранить артефакт – наивысший приоритет. И знаешь, пока что у тебя сохраняется шанс забрать Сердце и сбежать. Базу Меценатов так просто не возьмёшь, у тебя ещё есть какое-то время. Больше, чем было у Маккелена.

Стальной Нюхач грустно усмехнулся, ведь, как и Маккелен, он был уже ходячий труп. Со сломанными костями и поврежденным от удара вождя позвоночником он держался только благодаря стальным нитям. Стратег бросил нейроплеть, повёл рукой, и силовое поле опустило Фокса на пол чуть в стороне от клетки с ветерками. Детектив рухнул на колени, застонав от боли, все тело затекло, он едва мог двигаться.

– Ты переиграл нас, сыщик, – прошептал Нюхач.

Он медленно, словно во сне, двинулся к Фоксу, его нити тянулись к левой глазнице человека. Станция сотрясалась от взрывов и импульсов, рывков и вибраций. Поэтому оба не заметили и не успели среагировать, когда бронированный ящер весом в полтонны бросился к ним.

Он взметнулся в идеально рассчитанном прыжке, прикрываясь парализованной Камаррой. Даже если бы Нюхач сумел среагировать и атаковать, его нити вонзились бы в Камарру, а не в вождя. Но искалеченный стратег не сумел. Ящер врезался в Нюхача, впечатал в него Камарру и сокрушил их обоих, пронзил одним клинком. Рывком распорол сверху-донижу, одновременно выпустив очередь из плазмогана в нервное сплетение стратега, контролировавшее все нити.

Ошметки того, что было Нюхачом, разлетелись в стороны. Гибкое тело Камарры медленно сползло на пол. Кровь брызнула и попала на Фокса, хотя он стоял на карачках метрах в пяти. Впрочем, сыщик и так уже был не совсем в парадном виде.

Трайбер чистым ударом обезглавил Камарру, и голова бывшей блестящей ученой и отважной исследовательницы покатила по полу. А ящер медленно двинулся к последнему оставшемуся в живых врагу. Он не торопился, потому что знал: ему уже не уйти. Он слышал музыку боя, партитуру взрывов и импульсов, хор вибраций. И как рождённый в битве понимал, что против его станции, против его клана брошены силы не только «Кристалльной чистоты», но и нескольких планет. А Меценаты были не готовы к открытому бою.

– **Ты достойный враг**, – пророкотал он, страшный и чудовищный, как демон войны. – **Я почту за честь умереть вместе с тобой.**

– Но мы можем вместе остаться жить, – слабо усмехнулся Фокс. – Если ты сдашься, то мы оба выживем и пойдем своими путями. Я на свободу, ты на планету-тюрьму. Такой, как ты, будет процветать на Персефоне. Тебя и там ждут новые победы. Почему бы и нет?

Трайбер остановился перед ним, громада неукротимой злобы. И Фокс ощутил внезапно, как больно ящерну. Не в теле, а глубоко внутри.

– **Я думал, мы с ними вместе**, – проронил вождь. – **Я верил в нас троих.**

Человек посмотрел на него со смесью ненависти и горечи. Жалеть эту безжалостную тварь он бы не стал ни при каких обстоятельствах. Трайбер заставил умереть Маккелена, убил несчастного израненного следака, уничтожил сотни неповинных живых существ в своих интересах. Он не пощадил несчастную женщину, любившую не его, когда она проиграла, а ведь мог бы пощадить и отпустить. Он всю жизнь убивал направо-налево, сеял хаос, страх и смерть. И Фокс хотел бы увидеть, как этот ящерн умирает в мучениях. Если бы детектив мог, он бы сам убил его без малейших сомнений. Сделал бы вселенную чуточку добрее.

Но хотеть кому-то смерти иногда не мешает поговорить с ним по душам. Больше того, иной раз только с ним и возможен самый искренний разговор.

– Если я чему-то и научился за чёртову прорву прожитых лет, – сказал Фокс, сев на полу и прислонившись к силовой стене, за которой бесновались, пытаясь вырваться, десятки смертоносных ветерков. – Так это тому, что жизнь всегда больше, чем ты можешь представить. Каким бы великим ты ни был, вселенная всегда огромнее тебя. Ты думаешь, что уже понял её, а она снова преподносит сюрпризы. Жизнь невозможно полностью просчитать и предугадать – всегда найдется или случится что-то, что ты не знал и не учел.

Он тяжело вздохнул.

– Вот я: думал, что у меня хороший план. Что я достаточно про вас узнал, смогу просчитать и манипулировать вами, протянуть время, пока не придут корпораты. Я, конечно, не думал, что это будет так легко: что вы *уже* вознамерились поубивать друг друга, и нужно только открыть ваши секреты. Но ещё меньше я ожидал, что «Чистота» наймёт второго сыщика. Что он отправится следить за мной. Что вы и его схватите. Согласись, глупейшее стечение обстоятельств. Хотя, зная, что до предела логические кристаллы лишены эмоций, я мог бы догадаться... Мог бы...

Ящерн молчал, в упор глядя на человека, фазовый меч едва заметно мерцал в его руке. На клинке не было крови и ошмётков, он исчезал на доли секунды, затем опять появлялся, чистый и идеальный. Созданный заново.

– **Покажи мне Сердце истины**, – сказал Трайбер.

Лицо детектива исказилось, как от оскомины.

– Да нет его у меня. И никогда не было. Я соврал Нюхачу то, во что он был готов поверить. Ну кто бы дал мне артефакт, из-за которого столько возни? Это же бред. Просто Нюхач был сломан, держался из последних сил, и возможность прикоснуться к Сердцу была слишком манящей для него. А мне нужно было потянуть время, занять его, чтобы ты пришёл в себя. Чтобы силы корпорации прорвались сюда и накрыли эту залу темпоральным куполом, или вяжущим стазисом, или просто вырубил нас ментальным импульсом. В общем, нет у меня артефакта. Просто внимательный глаз, богатая фантазия и большой жизненный опыт.

Трайбер разразился грохочущим смехом. Отсмеявшись, он поднял клинок и приставил к горлу Фокса. Человек протяжно вздохнул – у него больше не осталось хитрых ходов, обманок и тайных козырей. Я почти победил, пронеслось в голове, всё-таки это несправедливо. Хотя и закономерно, как всё, что происходит в жизни.

– **Ты не хочешь умирать.**

– Не хочу, – согласился Фокс. – Мне нравится жить. Я умею радоваться и быть счастливым.

Ящерн опустил клинок и внезапно выключил его; мерцание угасло, в его руке осталась пустая рукоять.

– **Научи меня.**

– Не понял, – моргнул детектив.

Вот этого он абсолютно не ждал.

– **Научи меня жить счастливым. Убивать и умирать легко. Жить... нет.**

Фокс смотрел на чудовищного убийцу с открытым ртом.

– Хитрая сволочь, – сказал он, наконец. – Решил, если покаешься, тебя и правда не убьют?

– Я сдаюсь, – пожал плечом ящерн. – Чего меня убивать.

– Да просто потому, что это справедливо, – буркнул Фокс. – Потому что мир станет лучше без тебя. Потому что ты просто так, ради забавы, убил беззащитного пленника. Чтобы ты ощутил на своей шкуре, что такое праведная месть.

– **Месть-шместь, – прогрохотал Трайбер. – С меня хватит мести.**

Человек молчал.

– **Ты ненавидишь Трайбера, – сказал ящерн, ударив себя кулаком в грудь. – Я теперь тоже. Я хочу убить его и стать кем-то другим.**

– Ладно! – резко качнул головой Фокс. – Хорошо. Если ты врешь, как сивый мерин, мы это тут же узнаем. Я уломаю корпоратов проверить тебя на лучшем детекторе лжи в галактике – на Сердце истины. Они залезут в твои мысли и всё про тебя поймут. Если ты окажешься обыкновенным трусливым лжецом, я потрачу весь свой гонорар, чтобы тебя в тюрьме сбросили в расщепитель отходов. Но...

Он прервался, чтобы отдышаться.

– Но если ты правда решил стать другим, переродиться, как твой клинок, если в твоей душе и правда есть возможность измениться... тогда сиди в тюрьме тихо, не дергайся, никого не убивай, воспитывай смирение. Если высидишь без малейших преступлений и насилия, я вернусь за тобой после отсидки и...

– **Договорились, – сказал убийца.**

И стал сдирать со своего тела геранский доспех.

Отрубленная голова ящернской женщины одиноко и потерянно лежала на полу, глаза пусто и мертво смотрели на них. И последнее, что отразилось в этих глазах перед тем, как защитная плёнка накрыла их в последний раз, были два мужчины, каждый из которых несчастлив по-своему.

До следующей истории, кошки.

Дело #3

Сердце истины

«Противоположностью истины является не ложь, а другая истина»

Жорж Вольфром

Маленькая россыпь кристаллов могла бы уместиться у Фокса на ладони. И было удивительно осознавать, что эта сверкающая горстка и есть верховный совет корпорации «Кристалльная чистота». Если бы у этих крох были руки, в их руках была бы сосредоточена немалая власть.

Как и у многих межзвездных организаций, зона операций «КЧ» раскинулась на десятки тысяч миров сектора, но редко выходила за его пределы. Несколько звездных систем находились под полной властью корпорации: их правительства были марионеточными, либо официально интегрированы в «Кристалльную чистоту». Всем здесь управляли циоры: крошечные кристалльные существа.

Высший совет перемигивался бликами, кристаллы красиво посверкивали, ведь они общались, преломляя свет. Что удивительно, висящая перед Фоксом колония была единой личностью, хотя более сложной и разноплановой, чем обычное существо, которое сознаёт своё «я». Эта маленькая колония – мульти-личность, а отдельные кристаллы не вполне самостоятельные существа. Хотя у каждого из них есть собственное восприятие мира, свой уникальный жизненный опыт и позиции по разным вопросам, но они могут полноценно существовать только в конгломерате, только в колонии, где у них общие мыслительные процессы. Информация, которую уловил хотя бы один кристалл, мгновенно отражается во всех остальных, преломляется в видении мира каждого из них – и у колонии складывается единое мнение и решение. Комплексное.

Если выдрать циора из родной россыпи, он сможет только созерцать жизнь и больше ничего. Но вместе они уже способны к телекинезу и молекулярной трансформации вещества – свойствам, которые и позволили их расе развиваться медленно, но крайне эффективно, и стать одной из рас первой категории. Самых развитых в галактике.

Сейчас высший совет обсуждал вопрос, который задал им Фокс. И детективу нужно было как следует подождать ответа, ведь по скорости мысли живые кристаллы сильно уступали не только компьютерам, но даже и людям. Хотя легко могли бы их превзойти, используя они какие-либо апгрейды. Но циоры и не стремились к быстрдействию. Наоборот, им нравилось быть медленными, нравилось, когда их процессы текли в одной скорости с химическими. Иногда это могло занимать годы и десятилетия. Хотя ради общения с другими расами, привыкшими к большей скорости жизни, циорам пришлось научиться мыслить быстрее. И они научились, вопреки дискомфорту.

– Фокс Одд, – раздался невесомый хоровой голос, в котором слились десятки почти одинаковых тонов, – совет благодарит тебя. Ты рисковал жизнью. И хотя наш расчёт и твоя нелогическая интуиция победили, мы понимаем и ценим опасность, которую ты на себя взял. Потери, которые ты перенёс.

Ишь ты, подумал детектив, существа без эмоций оценили его моральные страдания.

– Тебя удивляет наша эмпатия, – понимающе заметил голос. – Но мы вполне можем быть эмоциональными, когда это логично. Мы переживаем твою боль утраты вместе с тобой, как и твои временные страдания от полученных ран. Но второе легко возместимо. Все полученные тобой раны уже излечены в медцентре нашей корпорации, и за каждый экземпляр травмы ты получишь надбавку к оплате. Подходит ли тебе такая оценка?

За каждый экземпляр травмы, поди ж ты. Фокс посмотрел на перечень перенесённых им физических страданий, невольно хмыкнул педантичности и точности циоров. Увидел величину предлагаемой компенсации и вполне удовлетворённо кивнул.

– По первому же поводу, оценить твои потери деньгами чуть сложнее, но тоже вполне возможно.

– По-вашему, всё на свете можно оценить деньгами?

– Конечно. Задача перевода моральных терзаний в финансовую плоскость не представляет абсолютно никакой сложности. Мы предлагаем тебе войти в ментальный симбиоз с нашим специалистом страховки. Он переживёт все, что пережил ты, и высчитает меру обоснованной компенсации.

– Это не потребуется, – покачал головой Фокс, – если вы согласитесь на мою просьбу и разрешите мне один раз использовать Сердце истины в личных целях.

– Ни в коем случае, – радушно ответил совет. – Это невозможно, потому что... модуль изменён. Нам нужно доосмыслить этот вопрос.

Фокс кивнул. Это было одним из удивительных, но вполне закономерных свойств циоров: не все их слова выражали действительно их финальное решение. Иногда информационный поток шёл так, что сначала колония высказывала мнение меньшинства кристаллов. А затем мыслительный процесс поворачивал в другую сторону и в итоге приходил к иному или даже обратному решению и результату. То же произошло и сейчас: меньшая часть кристаллов, может, какой-то кластер в углу россыпи, был категорически против того, чтобы разрешить Фоксу использовать артефакт. Кто знает, почему у них в своём уголке сложился такой взгляд на этот вопрос, но он сложился. Однако поток ещё не обошёл все кристаллы, поэтому осмысление и обсуждение вопроса колонией всё ещё шло.

Общаясь с циорами, нужно уметь ждать.

И ждать человеку предлагалось в поистине нечеловеческих условиях! Но в данном случае, «нечеловеческих» со знаком плюс. Фокс расслабленно откинулся на спинку великолепного дивана. Боже, какой это был прекрасный, эргономичный, ортопедический, повторяющий контуры тела, умный, экологичный, импульсно-излучательный, аромато-терапирующий, магнито-резонирующий, лечебный диван. Мечта! Лучший друг человека (по крайней мере, Фокса).

Удивительное дело, но лучшую мебель для натруженных чресл детектива создали вовсе не его сородичи. Диван видоизменялся и подстраивался под представителей совершенно разных рас. Далеко не всем существам вообще нужно на чём-то сидеть. Но людям нужно, и когда Фокс восседал на этом диване, он ощущал себя вдвое моложе! Диван словно был облаком, мягко и дружественно охватывающим половину тела. Он давил в нужных местах, в других согревал, в третьих уверенно обхватывал и едва заметно тянул. После десяти минут знакомства этот Божественный Диван знал тело Фокса уже лучше, чем сам Фокс. И пока детектив сидел, а вернее, *располагался* на этом невероятном диване, он чувствовал себя королём галактики.

– Что именно ты хочешь узнать с помощью Сердца?

– Проверить, реально ли Трайбер хочет измениться.

– Фокс Одд, это глупо, – сообщили циоры. – То есть, нерационально с нашей точки зрения.

– Это ещё почему?

– Ты просто не знаешь всей полноты картины, – ехидно ответили кристаллы. – Конкретное разумное существо может использовать Сердце истины лишь один раз в жизни.

– Хм.

– Именно так. Мы тоже удивились, когда узнали. И нам пришлось сменить уже пятерых операторов, размывая тем самым режим секретности. Судя по всему, его придётся вообще

отменить, ведь чтобы по-настоящему работать с Сердцем, нам понадобятся десятки тысяч операторов. Какая уж тут секретность.

– Но почему только раз в жизни?

– А кто же их знает, эти древние артефакты и их создателей? – весело ответили циоры. – Интересен механизм. Сердце запоминает отпечаток разума, а он уникален и неповторим для каждого существа. И реагирует только на обращения тех, кто ещё им не пользовался. Может, создатели считали, что шанс узнать истину должен предоставляться каждому только раз в жизни?

– Тогда и правда, глупо тратить единственный шанс на паршивого ящерна, – пожал плечами Фокс. – А есть ли другие важные детали о работе артефакта? Раз уж вы планируете снять режим секретности, а я изначально подписал договор о неразглашении.

– Есть, – невинно ответили кристаллы. – В обычном состоянии Сердце может проникнуть лишь в разум тех, кто рядом. Но на близких это не распространяется. Речь о таких понятиях, как близкий друг, родитель, любимый – это для вашей человеческой расы. Для нас это будет колония с одинаковым индексом рефракции; для ящернов маарши, их любимый-единственный; для геранцев кровный защитник – и так далее. Так вот, если искать близкого, то совершенно не важно, как далеко он находится. Он может сиять за миллион световых лет отсюда, и всё равно сердце найдёт и откроет тебе его разум.

– Вот это вещь, – покачал головой Фокс.

Неудивительно, что вокруг артефакта закрутилась заварушка. И ясно, что эта попытка вырвать сердце из рук «Кристалльной чистоты» далеко не последняя. Циоры изначально рассказали Фоксу о подозрениях в адрес корпорации-конкурента «DarkStar». Они полагали, что атаку на конвой готовит именно «Тёмная звезда» – и по факту их подозрения оказались близки к истине. Ведь когда другая межзвездная корпорация узнаёт о такой уникальной вещи, она не может просто остаться в стороне. Рано или поздно «Тёмная звезда» сделает ответный ход.

Но то дела грядущие, и, вполне возможно, к Фоксу они уже не будут иметь никакого отношения. Сейчас он пытался понять, что новая информация означает лично для него. Тратить единственный шанс ради Трайбера он, конечно, не станет. Но и по-настоящему близким у Фокса уже давно не было. Значит, сейчас нет никакого смысла использовать артефакт?

– Последняя деталь не имеет практической ценности, – закончили кристаллы. – Анализ показал, что вещица весьма древняя, ей около сорока миллионов лет. И все эти годы она улавливает мыслительные процессы вокруг себя. Мы ещё не выяснили, в каком радиусе, и совершенно неясно, как улавливает. Вся эта утерянная технология превосходит нашу, поэтому нам предстоит ещё много открытий. Теперь, Фокс Одд, ты знаешь всю картину, известную нам.

Воцарилось молчание. Детектив нахмурился, он не мог поверить в услышанное. И было важно, чтобы кристаллы, которые прекрасно читали его реакции по внешним проявлениям, не смогли сейчас понять то, что понял он.

Вернее, конечно, не понял. Как всегда, придумал. Нафантазировал. Мифотворчество Фокса работало помимо его воли. Услышав, что сердце истины было создано, чтобы улавливать мыслительные процессы совершенно по-разному устроенных разумных существ – он тут же представил, что за сорок миллионов лет в нём скопились ВСЕ мысли ВСЕХ разумных, что когда-либо жили. Все тайны, все откровения, все помыслы таких разных детей галактики...

Это было идиотское в своей смелости, совершенно фантастическое допущение. Никакие из существующих технологий не были способны ни на что подобное, даже по ёмкости и вместимости памяти, не говоря уж обо всём остальном. Но это допущение идеально ложилось в уже установленные факты, оно было логичным с точки зрения развития истории. Если только совпадала одна важнейшая деталь. Но спросить про эту деталь детектив не мог. Вопрос выдаст циорам ход его мыслей и наведёт на ту же идею. А это опасно.

Ведь если гипотеза, которую выдумал Фокс, соответствует истине, то Сердце истины гораздо ценнее, чем считают циоры. Если в артефакте содержатся все тайны всех разумных рас, то стоит этой информации просочиться, за артефактом придут не какие-то там конкурирующие корпорации. А сюда бы уже нагрянули армии Цедарианской империи, Содружества и Великой сети. Три величайших силы в галактике уже пытались бы завладеть Сердцем.

Если идея Фокса верна, за обладание артефактом неминуемо разразится глобальная галактическая война. И, как ни забавно, детектив мог прямо сейчас проверить свои домыслы: пойти к Сердцу и увидеть, как оно выглядит. Тогда он получит или опровержение своей гипотезе, или первое подтверждение.

Значит, надо проверить. В конце концов, он может отказаться от использования артефакта, когда увидит его.

– Я хочу обратиться к Сердцу истины, – резко и не раздумывая, что было для него совершенно нехарактерно, выпалил Фокс. – Вы разрешаете?

– Да, – решили циоры. – В награду за перенесённые страдания от смерти твоего коллеги совет корпорации «Кристалльная чистота» разрешает тебе, Фокс Одд, однократное использование Сердца истины в личных целях. Завтра в пятом сегменте рабочего цикла ты будешь доставлен в закрытый исследовательский центр, где и произойдёт процедура.

– Спасибо! – Фокс сердечно поблагодарил горстку кристалликов. Голова разрывалась от мыслей о том, что может произойти завтра.

– Вернёмся к приземлённым вопросам, детектив. Ты подтверждаешь сумму гонорара, с учетом премии за выполнение всех дополнительных целей и с учетом дополнительной награды за розыск и передачу властям особо опасного преступника Хвщица Шыщица по прозвищу «Трайбер»?

От неожиданности Фокс расхохотался. Неудивительно, подумал он, что могучий воин-ящерн взял себе героический псевдоним. Но теперь, на фоне мыслей об артефакте, всё это казалось таким вчерашним и неважным! Глянув в собственный счёт «Кристалльной чистоте», детектив увидел, сколько они в итоге насчитали (в несколько раз больше, чем он сам), пожал плечами и кивнул.

«Я опять богат», мог бы сказать он, если бы жизненный опыт не подсказывал, что это ненадолго.

– А это вообще нормально, что переговоры об оплате с каким-то частным сыщиком ведёт лично высший совет? – спросил детектив, чтобы отвлечься от бурлящих в голове мыслей.

– Твоё удивление вполне понятно, – согласились кристаллы. – Во-первых, мы лишены предвзятости и гордыни. Для нас нет разницы в отношении между президентом и полотёром. Полотёр уникален в своём своеобразии, мы готовы коммуницировать с полотёром весь день напролёт. Слава полотёру! Во-вторых, мы никуда не торопимся. Каждый миг жизни – награда, зачем её торопить. Впрочем, в-третьих, наше время как руководства корпорации действительно распределено между задачами высочайшего приоритета. Но именно такой задачей является сохранение Сердца истины. А ты немаловажная часть этого события, Фокс Одд.

– Раз уж мы общаемся весь день напролёт, можно ли узнать, как корпорация будет использовать такой могущественный артефакт?

– Для исследований целевой аудитории наших продуктов, конечно! – с воодушевлением ответила горстка опытных бизнесменов. – Маркетинг мечтал залезть в мозг потребителю с доисторических времён!

Детектив представил, как древний реликт используется циорами, чтобы продавать больше клея. На сто миллионов тонн клея больше, в неделю. Мда.

– Мы также будем использовать артефакт в благотворительных целях, – без тени смущения добавили кристаллы. – Например, оправдывать преступников, которые не совершали преступления и были несправедливо осуждены. Мы планируем проверять их показания на идеаль-

ном и неподкупном установителе правды, и добиваться освобождения невиновных. Конечно, это будет возможно лишь на тех планетах, где показания Сердца истины будут приниматься за юридическую истину в последней инстанции. Начнём с планет в нашей сфере влияния, создадим прецедент.

Это было уже лучше, гораздо лучше. Пожалуй, можно смириться с тем, что корпорация продаст на миллиард тонн клея больше, если за каждый десяток миллионов один невинно осуждённый выйдет на свободу.

– А сколько вам лет?

– Неожиданный вопрос. В привычном тебе выражении, семьсот девяносто.

– Чёрт, – пробурчал Фокс Одд. – Один-ноль в вашу пользу.

– Один-один, человек, – поправили циоры. – Артефакт ты нам всё-таки сохранил! Ещё момент. Твой механизм приёма и хранения средств крайне примитивен и ненадёжен. Мы открыли тебе счёт в корпорации, и предлагаем перекодировать твой инфокристалл, превратив его в ключ доступа. Он будет срабатывать только в сочетании с тобой самим и с твоим профилем трат. Это обеспечит наивысшую защиту.

– Профиль трат? То есть, если я захочу купить себе мороженое, ваш финансовый анализатор посчитает, что меня взломали? – уточнил Фокс.

– Уважаемый Фокс Одд, – ответил многоголосый хор. – Разумеется, это будет значить, что ваш кристалл украли или взломали мошенники. Вы не покупали мороженое примерно никогда.

– А если мне вдруг захочется?

– Тогда вы пройдёте несложную процедуру подтверждения личности, и ваши средства будут вам полностью доступны. Но не беспокойтесь, наш финансово-личностный анализатор уже знает вас, как облупленного.

– Ну, если он также хорош, как ваш аутентичный переводчик на человеческий, который понимает про «облупленных», «полотёров» и «весь день напролёт», то я спокоен за свои средства, – улыбнулся детектив.

– Вот и ладненько, – просияли кристаллы. – Твой допотопный инфокристалл перекодирован, Фокс Одд. Совет прощается с тобой и желает тебе чистых координат и звездного пути.

– А вам... рекордных продаж.

Ему показалось, что он услышал хихиканье циоров, но визию уже оборвалось и блестящая россыпь исчезла. Фокс остался в гостевом номере корпорации совершенно один.

– Ох, – мечтательно сказал он, заваливаясь в мягкие объятия супер-дивана, – вот это я понимаю, корпоративный стандарт!

Но несмотря на все внешние проявления беззаботности, которые Фокс устраивал специально для службы безопасности циоров, ведущей за ним непрерывное наблюдение, мысли детектива занимала только завтрашняя встреча с Сердцем истины.

* * *

Закрытый исследовательский центр был совершенно прозрачен, и стены не мешали созерцать красоту звездных скоплений и туманностей вокруг. Когда персоналу требовались инструменты, переговорная, рабочее место или комната отдыха – они выдвигались из стен и по желанию меняли цвет. А как только вещи или комнаты становились не нужны, они втягивались обратно в стены. Идеальный эллипсоид, который конфигурируется именно так, как нужно и удобно каждому работнику.

Сегодня в центре было ни души, и здесь царила невесомость. Фоксом практически запульнули из магнитной пушки, чтобы он, как живое пушечное ядро, долетел до нужного места. Он плавно скользил в огромной пустоте, ощущая себя частью космоса – ворчливой,

помятой, посредственно одетой, с вечно ноющей шеей... но всё же частью вселенского великолепия. И от этого ощущения человеку стало лучше.

Неподалёку желтела практически одноцветная планета Мириад, родной мир циоров. Выжженная ярким солнцем, Мириад казалась безжизненной и пустой: там не было ни морей, ни растений, только равнины, извилистые каньоны и невысокие желтоватые горы. Поразительно скучная снаружи, изнутри она сверкала всеми цветами, как драгоценная жеода, заполненная кристаллической жизнью. Яркие лучи солнца проникали сквозь сухую растрескавшуюся поверхность и, отражаясь в циорах, уходили глубоко вниз. Внутри планеты блистал ослепительный инфообмен между кристаллами, но со стороны она казалась мёртвенно-пустой.

Перед сыщиком летела маленькая блескучая друза размером всего в три сантиметра – младший научный сотрудник станции. У циоров не было имён, но они охотно брали себе прозвища для общения с другими расами. Эта щепотка кристаллов специально для Фокса назвалась Шекспиром. И, взяв столь громкое имя, крошка-циор неожиданно и на полном серьёзе стал общаться стихами! Это продолжалось уже пару минут, и вот сейчас речь зашла про главный вопрос – что Фоксу делать с артефактом.

Друза хором декламировала:

– ...И, зная про неопытность твою,
Тебе, мой друг, благой совет даю:
Чтоб Сердце истины открыть – закрой свое.
Отринь себя, канув в небытие.
Лишь тот способен слышать пустоту,
Кто мир не разменял на суету.

Шекспир ярко сверкнул ради эффекта. Похоже, циоры любили радовать собеседника, приносить ему удовольствие. Видимо, бизнес-установку «клиент должен уйти довольный, чтобы потом вернуться снова» умные кристаллы принимали как правило жизни. Этот кроха угадал, что Фоксу будет смешно и приятно, если он внезапно заговорит стихами в вычурном старинном штиле. И это на самом деле оказалось ужасно мило.

Меж тем, Шекспир продолжал нагнетать драму:

– Но если ты пленишься пустотой,
То сам умрёшь, и твой вопрос – с тобой!

– Уж прямо умру, – хмыкнул Фокс. – Ну, выкинет из синхронизации. Так себе удовольствие, конечно. И не получится прочитать чужую душу, а ради этого весь сыр-бор.

Он прочитал досье циоров, и там было сказано, что вошедший в синхрон с Сердцем начинал слышать некий *первичный зов*. Кристаллы считали его «базовой частотой вселенной», чего бы это не значило. Так вот, судя по первым экспериментам, некоторые заслушивались этим зовом настолько, что вообще не могли выйти из синхрона. Тогда артефакт принудительно разрывал связь, и это неслабо било по мозгам. Но всё-таки «умрёшь» было поэтическим преувеличением.

Словно почувствовав сомнения, которые грызли детектива, Шекспир его подбодрил:

– Смотрю, ты приуныл. Отринь же грусть!
Пушкой к концу главы привел твой путь,
Но чем бы не закончилась она,
За ней к тебе спешит ещё одна.

Какой оптимизм. Фокс давно привык ожидать, что каждая новая глава его книги окажется последней. Но он не стал возражать Шекспиру, а просто кивнул. В конце концов, кто он по сравнению с гением великого поэта и драматурга?

Они подлетели к самому центру эллипсоида, и циор завис в пустоте. Магнитный захват, до сих пор незаметный, теперь проявил себя и остановил полёт Фокса, тот словно ткнулся всем телом в мягкую невидимую ткань. Маленький хор имени Шекспира торжественно пропихал:

– Исканье Сердца здесь завершено.
Войди в него, и бейтесь, как одно!

– Войди? – удивился Фокс, который полагал, что артефакт надо просто взять в руку.

И тут он наконец увидел Сердце истины: в центре станции была не пустота, а прозрачная комната, по своей форме похожая на бутон цветка. Сейчас этот бутон проявился из невидимости и побелел, как диковинный космический лотос. Лепестки плавно и беззвучно разошлись в стороны, и человеку открылся артефакт древней вымершей расы.

У Фокса захватило дух, предчувствие невероятной истории заполнило его. Во-первых, это был идеальный куб размером пять метров в высоту, висящий острыми углами вверх и вниз, как ромб. Ну да, кто сказал, что это *человеческое* сердце? А во-вторых, этот куб был из чёрного стекла, чуть прозрачного по краям, точь-в-точь, как глаз Фокса и древний корабль, который он совсем недавно заполучил. Артефакт под контролем «Кристалльной чистоты» оказался творением вымерших медуз.

Именно это и предположил Фокс, а значит, его безумная идея могла быть верна!

Если Сердце истины собирало мысли всех разумных в течение сорока миллионов лет, и если оно позволяло найти близкого, родного человека – значит, Фокс мог прямо сейчас обратиться в прошлое. И задать один очень важный для него вопрос.

Завороженно глядя на куб, детектив заметил одно отличие: если глаз и корабль были матово-чёрные, то Сердце истины оказалось слегка зеркальным. Причём, его зеркальность росла на глазах: когда куб только появился из пустоты, он был таким же матово-гладким, как корабль сайн. Но уже через несколько секунд в тёмных гранях куба отразился человек, висящий перед ним. Чёрная, безлика и абстрактная фигура.

Он столько лет гнался за химерой без всякого результата, растратил на поиск несколько жизней, думал, уже никогда не найдёт. А теперь за какой-то месяц сделал сразу два огромных шага вперёд: сначала отыскал и заполучил исследовательский корабль сайн, а теперь получил доступ к Сердцу. Что же оно на самом деле собой представляло? Для чего сайны создали его и как использовали?

Поле мягко поднесло Фокса прямо к чёрному кубу. В непроницаемой глубине разгорелись мерцающие звезды, целые созвездия, и когда они стали яркими, сердце раскрылось. В точности так же, как раскрывался корабль сайн: стекло распадалось на маленькие кристаллические кусочки, и они словно рассыпались в стороны, с легчайшим звоном расходясь в стороны.

Фокс, не раздумывая, шагнул вперёд, и Сердце сомкнулось за спиной, он оказался в крошечной темноте. Кристаллики зашуршали со всех сторон, заполнили всё пространство, подстраиваясь под контуры человеческого тела, и тут же срослись, сгладились и застыли, облекая Фокса, как статую в недрах чёрного стекла. Слово доисторическую птицу, попавшую в ловушку янтаря и сохранённую на миллионы лет.

Я же задохнусь, ошеломлённо подумал человек – но в тот самый момент, когда стекло плотно обхватило его, заключив в неодолимый плен – он внезапно перестал быть пленником своего тела. Он вырос в тысячи, миллионы раз, стал безразмерный, бездыханный и пустой, стал частью бесконечной черноты космоса. Сквозь него проходили созвездия – и звёзды, мерцающая, шептали друг другу беззвучные, неразличимые слова.

Фокс завис в бархатной темноте и вечной тишине, ведь космос лишён слуха и голоса, он не знает, что такое звук. Вместо них царствуют всепроникающие невидимые силы: гравитации, движения, связи. Каждая пылинка во вселенной невидимыми узами связана с каждой другой, и все они движутся, ничто не стоит на месте. Фокс ощутил это вечное движение всем бестелесным существом – он сам разлетелся в стороны, расширился, бесконечно увеличивался и рос, охватывая всё новые и новые звёзды, обгоняя их, летящих в разные стороны.

И чем больше внутри него становилось звёзд, тем отчётливее он ощущал, как они... дрожат? Вибрируют? Дышат? Звенят? Поют? Поют. Больше всего это было похоже на песнь, беззвучную, но всепроникающую и вечную.

Чем больше Фокс прислушивался к этой песне, тем сильнее она переполняла его. Этот сотрясающий не-звук пронизывал всё сущее. Именно он приказывал галактикам, звездам и планетам разлетаться в стороны, именно он был тем изначальным импульсом, который запустил вселенную и до сих пор двигал ею. Фокс внезапно понял, что слышит Большой Взрыв.

«Лети!» пели звёзды. «Будь свободен!» звенели туманности. «Существуй!» провозглашал хорал галактик. Вначале не было ничего, ни пространства, ни времени. Но затем всё изменилось: небытие сменилось титаническим выбросом невообразимой мощи. Судорожно помчалось время, сначала неуверенно, спотыкаясь, а затем всё ровнее, набирая ход. Пространство, высвобожденное из небытия, рванулось во все стороны, ускоряясь и разгоняясь, пылая и крича. Этот крик, эта энергия, этот изначальный импульс бытия до сих пор жил в каждом атоме, в каждом кварке. Он и не думал затихать.

Фокс понял. Сердце сайн позволяло любому, кто войдёт в него, услышать Большой Взрыв, породивший вселенную. Он случился миллиарды лет назад, но он всё ещё звучал в биении каждой звезды, в гравитационном дыхании каждой былинки необъятного космоса. Он будет звучать до конца времён. И в этой песне, в этом зове был смысл.

Боже, содрогнулся человек, услышав и осознав его.

Чёрный глаз в правой глазнице Фокса стал разгораться яркой, яростной звездой.

– Одиссей.

– Папа!

Маленькие руки обняли большие плечи, не смогли соединиться у отца за спиной. Он был такой необъятный и сильный, человек-гора, в тени которого безопасно и тепло. Он умел давать тень, не закрывая солнце.

– Папа, я не знаю, как ответить учителю! Он спросил: что делать, если cedары объявят нам войну? Но я не учил про cedаров и не знаю, что ответить... Ты мне поможешь?

– Конечно, помогу, – отец отстранился от мальчика, но его большая рука ещё лежала у Одиссея на спине и придавала уверенность, что всё будет хорошо. – Тебе не всегда нужно *знать*, чтобы сделать правильный выбор. Иногда, даже если не знаешь, ты можешь *понять*.

– Только вот как?

– Нужно задать себе правильный вопрос.

– А какой вопрос правильный?

– Спроси себя, для чего cedары это сделали.

– А cedары – это те, у которых клинки вместо рук?

– Да, но это не главное. Главное, что они предчувствуют будущее.

– Всё-всё будущее сразу?

– Это верный вопрос. Нет, не всё. Лишь смутные очертания будущей угрозы. Они зародились на самой ужасной планете, какая только может быть. Чтобы выжить, cedары научились предчувствовать угрозы. И привыкли действовать очень быстро и без сомнений, чтобы их устранить.

– Значит, мы им угроза? – на лице мальчика появилась тень.

– Они могут так думать. Но они могли бы напасть без предупреждения, чаще всего это выгодно. Почему же они промедлили с нападением, и зачем официально объявили войну?

– Может... они нас пожалели?

Отец внимательно смотрел на него.

– И что же нам делать, если цедары объявили войну?

Мальчик чувствовал, что понимает и пытался выразить мысль, но не мог.

– Не знаю! – воскликнул он со стыдом. – Не знаю...

– Это не страшно, – успокоил отец. – Надо просто задать себе правильный вопрос. Если цедары пожалели нас и объявили войну, что мы можем сделать? Напасть на них? Убежать и спрятаться?

– Спросить у них, что плохого мы сделаем в будущем? Чтобы успеть исправиться.

Он очень надеялся, что ответил правильно, не подвёл папу, маму, учителя и всех остальных, ведь их было так много.

– Да, можно так сделать, – кивнул отец. – По меньшей мере, такой вопрос не сделает нам хуже.

Он не хвалил сына, но в его глазах Одиссею почудились одобрение и гордость. Лорд-хранитель обернулся к учителю и спросил:

– Каков был вопрос и каков верный ответ?

– Перечислить действия правителя в случае, если нам объявлена война, например, цедарами, мой лорд, – ответил учитель. – Ответ: ввести военное положение и собирать совет доверенных лордов.

Оберон Ривендаль усмехнулся.

– Пожалуй, для шестилетнего мальчика ваш вопрос и ответ понятнее и содержат больше смысла, чем мой.

– Мой лорд, – поклонился учитель.

– Папа, но это несложно, когда ты объяснил! Теперь я понял.

– Значит, теперь ты *знаешь*.

– Папа, знаешь что?.. – он поднялся на цыпочки к уху сидящего отца и сказал тихо, чтобы учитель не слышал. – Я тебя люблю.

Карие глаза человека-горы, суровые и властные по праву рождения, потеплели.

– И я ужасно тебя люблю, – не прячься, ответил он, прижимая к себе сына и ощущая его маленькую фигурку, полную живости и тепла.

Человек в стеклянных объятиях черноты не дышал, его сердце не билось, время остановилось. Он вбирал в себя звёзды и слышал их пылающие голоса.

– Сын, какой девиз у нашей семьи?

– За бесконечностью – я! – гордо продекламировал мальчик.

– Что это значит?

– Не знаю, – замялся он виновато.

Оберон серьёзно кивнул, его глаза потемнели от воспоминаний.

– Когда-то давно наша родина погибла. За всеми людьми шла охота, нас хотели истребить. И нужно было найти много новых домов, чтобы выжить.

Маленький Одиссей поёжился, чувствуя страх за далёких предков.

– Это было тяжёлое время, но именно в тяжёлые времена появляются герои. Первые освоители уходили в гипер-прыжки на старом, ненадёжном оборудовании. Они нередко попадали не к нужной цели, терялись в глубинах космоса. Но они не могли не идти, понимаешь?

– Понимаю, лорд папочка, – кивнул мальчик.

Конечно, тогда он не понимал.

– Они должны были идти, даже не зная, смогут ли вернуться. Ради своих любимых, друзей, родителей и детей. Ради будущих поколений и ради тех, кто жил прежде. Ради нас с тобой, сын.

– Бедные... – пожалел Одиссей.

– И чтобы подбодрить друг друга перед прыжком в неизвестность, чтобы поверить, что вернуться, освоители говорили друг другу: «Что за бесконечностью?» И отвечали... Что они отвечали?

– За бесконечностью – я.

– Верно. Многие из них прошли бесконечность и вернулись обратно. И повели людей за собой в новый дом.

– А мы... тоже освоители, лорд папа?

– Мы их наследники. Наследники павшей Земли.

– Значит, мы тоже за бесконечностью?

– Как и каждый, кто способен совершить прыжок веры ради других.

Человек, висящий в сердце черноты, утёр глаза и кивнул. Теперь, столько лет спустя, он понимал.

– Что это, папа?

– Посмотри.

Оберон положил в его ладонь гладкий чёрный шар.

– Папа, там звёздочка внутри!

– Да. Иногда она горит сильнее. Мы называем её Глаз древних.

– Глаз? – удивился Одиссей. – Чей-то глаз? Он потерялся?

– Мы думаем, что его здесь оставили.

– А зачем?

– Для нас. Но мы не знаем, зачем.

– И что он делает?

– Я пытался понять это долгие годы. А до того моя мать, а до неё твой прадедушка. Наши прародители нашли этот глаз на Ольхайме в первый день колонизации. Он лежал в пустом храме, единственном рукотворном строении на совершенно дикой планете. И когда твой прадедушка взял его в руки, остальной храм рассыпался в пыль, и от него не осталось никаких следов.

– Ой. А почему?

– Потому что храм выполнил свою цель. Дождался, пока придём мы и заберём этот глаз.

– И кто нам его оставил?

– Древняя раса, которая вымерла два миллиона лет назад.

Одиссей сделал большие круглые глаза, засмеялся и катал шар по ладони, играя с ним.

– Папа, а знаешь...

– Что?

– Он как будто хочет быть мой. Смотри, как лежит.

Шар лежал посередине ладони мальчика и не двигался, даже когда тот наклонял руку в одну сторону, в другую. Лицо Оберона неуловимо изменилось, дрогнуло то ли в горести, то ли в радости.

– Да, – ответил он. – Те, кому суждено им владеть, сразу чувствуют это. Я сразу почувствовал, а мои братья и сёстры нет.

– А мама?

– И мама тоже сразу поняла. А я, когда это увидел, убедился.

– В чём?

– Что это она моя будущая жена и мать моих будущих детей.

– Папа... но ты загоревал! Разве ты не рад, что этот глаз и для меня?

Лорд-хранитель помолчал.

– Рад, потому что ты мой наследник. Но боюсь, что однажды этот глаз станет причиной опасности.

– Какой?

– Что за ним придут те, кто сможет его забрать.

– А мы им не отдадим. Мы победим их, как победили геранский флот!

– Мы не всех сможем победить, сын, – тяжело ответил отец. – Но я хочу, чтобы ты взял глаз древних. Отныне ты будешь носить его. Никогда с ним не расставайся, никому о нём не рассказывай и не показывай.

– Хорошо, папа! Но что, если его увидят? Ты будешь меня ругать?

– Он обладает силой незаметности. Его не различает читающее поле или волновой скан, на него не среагируют развед-боты и контуры безопасности. Его нет ни для какой техники, он словно невидимка. И даже если кто-то чужой будет смотреть на глаз древних в упор, он его не заметит. Не обратит внимания. Как будто его нет.

– Значит, его видят только те, кто должен носить?

– Да. И те, чьё внимание ты сам обратишь на глаз, кому ты сам его покажешь. Поэтому запомни: не показывай его никому.

– Я понял, папа. То есть, я исполню твой приказ, мой лорд.

Оберон вздохнул, и его рука невесомо коснулась плеча сына.

– А ты расскажешь мне, для чего мы скрываем этот глаз и для чего его носим?

– Расскажу, но потом. Когда ты станешь старше.

– А почему не сейчас?

– Потому что сейчас тебе рано знать. Просто носи его. Привыкай.

Сайны, дети прошлого, облетели всю галактику и оставили лишь на нескольких планетах свои знаки. Их храмы рассыпались в прах, когда кто-то находил их дар. Но за три поколения Ривендалей и за годы, прожитые самим Фоксом, люди не нашли ответа: почему и для чего сайны оставили на их планете своё наследие.

Отец знал что-то ещё, и не успел рассказать ему. Долгие годы Одиссей не имел никакой возможности узнать, что именно – до тех пор, пока не нашёл Сердце сайн.

«Неужели это возможно?» Подумал Фокс. «Неужели оно позволит мне обратиться в прошлое и прочесть тайну отца?»

Тьма сжималась и душила его, но вдалеке светили мириады звёзд. Он был не один против тьмы и забвения, повсюду в космосе мерцала надежда.

– Готовьте врата!

Подданные кричали и сновали вокруг в спешке, ветер оглушительно ревел, сбивая с ног. Родной мир, всегда красочный и безмятежный, сейчас был накрыт багровой пеленой, казался чужим и неправильным. Вражеские корабли, огромные, как города, темнели на небе расплывчатыми теньями сквозь планетарные защитные поля. Они медленно сближались, словно куски брони, сползаясь над столицей Ольхайма.

– Экзодиус Рексат: ниспровержение крови. Сим отрекаю тебя, Одиссей Ривендаль, от имени твоих предков, сим отрицаю тебя, Одиссей Ривендаль, от отца твоего и матери твоей. Более нерождён ты в семье меча и льна. Более не являешься ты наследником права. Отступи!

Семилетний мальчик сжался.

– Мама... Я не смогу без вас... я не смогу...

Она ничего не ответила, не могла ответить, лишь обняла его сильно, до боли, уткнулась лицом в шею мальчика и шептала что-то неясное, будто баюкала сына в последний раз.

– Отпустите его, госпожа. Отпустите, или ваше поле убьёт его!

– Елена, – выговорил отец. – Отпусти.

Мама отстранилась назад, всё ещё держа руки у него на плечах, мальчик стоял, сжатый и бледный. Он не знал, как быть достаточно сильным, чтобы не побежать вслед за родителями, не тянуться к ним в руки, не умолять. Губы дрожали.

– Мой милый, – сказала мама, не отпуская мальчика взглядом, пронзительным, как крик. – Мы будем с тобой, даже когда не будем рядом. Я воспитала тебя и знаю: ты всё выдержишь и всё сможешь. Будь сильным, Одиссей, иначе всё, что мы сделали, было зря. Обещай мне, что будешь сильнее страха. Обещай мне, что победишь жалость к себе. Обещай.

– Обе... щая...

Она болезненно нахмурилась.

– Обещаю!! – крикнул он изо всех сил.

Елена кивнула, поднялась и шагнула дальше от сына, к отцу. Они стояли рука об руку, высокие, прекрасные и любимые, центр мира Одиссея и вся его жизнь. До этой минуты.

– Экзодиус Рексат: ниспровержение крови, – повторил вератор. Он торопился, мальчик заметил боль во взгляде мужчины, увидел, как сложно ему говорить эти слова. – Отныне ты отлучён, Одиссей.

Он опустил руку, и мальчика обдало пронизывающей силовой волной.

Что-то изменилось в самой основе его существа. Наследственные контуры, прошитые в каждую клетку тела, распались и прекратили существовать. Мальчик сразу стал хуже слышать, хуже видеть, медленнее двигаться и соображать. Все улучшения и возможности статуса, к которым он привык с рождения, исчезли одно за другим. По Одиссею резанули усталость, страх и боль, которые до того были сдержаны королевским контуром. Мальчик застонал от того, какими сильными и реальными они оказались. Слёзы текли по его лицу.

Невидимая грань закрыла маму и папу, они стали размытыми, защищёнными королевским силовым полем. Отныне чужим для него. Мальчик хотел броситься к ним и сгореть в карающем огне, но гордость и данное обещание остановили его. Он нашёл в себе силы отступить на шаг назад.

Сверху ударил звук, коробящий и неестественный. Чудовищные алые молнии, искажённые и исковерканные, пробились через планетарные щиты и грянули вниз, врезаясь в когда-то безмятежное лицо планеты. Она задрожала и застонала, мальчик, парализованный ужасом, смотрел, как гибнет дом.

– Цедарианские наземные войска выдвигаются сквозь прорывы.

– Поднимайте платформы!

– Врата открыты! Время до перехода одна минута, – крикнул Фелькард, хватая Одиссея за плечо. – Мои лорды, ему нужно идти!

– Иди, сынок! – застонала мама. – Иди!

Их платформа начала возноситься, они становились всё меньше. Фелькард рванул бывшего принца и повлёк его за собой в сияющий портал.

– Мы найдём тебя, – закричал Оберон, поднимаясь в полыхающее небо. – Одиссей, я вернусь за тобой! Слышишь?

– Да! – мальчик вложил в этот крик все свои силы, всё, что мог.

Но они не нашли его ни тогда, ни потом.

«Я хочу знать то, чего не сказал мне отец» подумал Фокс.

Звёзды разом погасли, воцарилась темнота и тишина.

А потом раздался сдавленный стон:

– Одиссей?

Отец возвышался перед ним, как живой, прямо с поля боя, облачённый в королевский фазовый доспех, с атомным сокрушителем в руках, со смертельными ранами на груди и на шее. Как настоящий. Как...

– Одиссей, – потрясённо сказал он. – Это ты?!

– Да, папа.

– Сколько тебе лет? Ты выжил! Ты нашёл планету сайн?

– Я выжил. Я не нашёл планету сайн. Ты не сказал мне, что её надо искать.

– Прости меня, – лицо Оберона сморщилось, в глазах блеснули слёзы. – Прости меня, мой малыш. Я думал, что сумею вернуться и найти тебя. Я не смог. Я погиб в том бою.

– А мама?

– Мама выжила в той битве, она бежала через вторые ворота. Я не знаю, что с ней потом стало. Моё время кончилось, и я не увидел. Уверен, она искала тебя, Одиссей.

– Мы с ней не встретились, – с трудом ответил Фокс. – Мне жаль.

– Не жалею нас, – рявкнул Оберон. – Мы прожили такую жизнь, которой позавидуют боги. Мы любили так, как никто не любил. И у нас был сын, который подобен солнцу, пылающий счастьем. Нам с мамой не о чем жалеть.

– Я хочу закончить то, что начал прадедушка, – сказал Фокс.

Оберон кивнул.

– Ты должен найти планету сайн, – сказал он. – Цедары уничтожили наш род, чтобы не дать нам попасть туда. Они уничтожили все глаза древних, наш – последний. И если ты принесёшь его на родину, план сайн будет завершён. Я не знаю, что будет после, но думаю, мир необратимо изменится. Цедары предчувствовали это. Впервые вся их раса предчувствовала одну, единую угрозу, поэтому они не смогли остановиться, чтобы обдумать и осмыслить опасность. Страх заставил их пойти коротким и неверным путём, напасть и убить всех Ривендалей.

– Кроме меня, потому что я перестал быть одним из вас.

– Да. Но в душе ты остался одним из нас. Найди планету сайн.

– Я отыскал их корабль-исследователь.

– Прекрасно! Глаз знает дорогу домой. Поставь его в корабль, и он приведёт тебя на их планету!

– Я осмыслю и обдумаю это. Прежде чем лететь.

– Хорошо, – отец прикрыл глаза, сберегая ускользящие силы.

– Но что за великий план? Зачем вы хотели, чтобы мир изменился навсегда? Как он должен измениться? Почему цедары посчитали это смертельной угрозой?

– Я не знаю.

– Но тогда почему ты уверен, что мне надо найти их планету и отнести туда глаз?!

– Это сложно объяснить чужому человеку, – сказал Оберон. – Но ты и сам понимаешь, правда? Ведь ты носишь глаз. Я носил его много лет и знаю, что сайны добры. Они не случайно отказались от бессмертия. Я думаю, что они принесли великую жертву ради всех младших рас. Ради нас. Поэтому я думаю, что их план должен быть исполнен.

– Ты не знаешь правды, – проронил Фокс. – Но ты задал себе правильные вопросы, и ты думаешь, что *понял*.

– Да.

– Папа... Но самые могущественные силы из всех противодействуют сайнам. Ждут, когда я сделаю шаг, чтобы стереть меня в ничто. Ты думаешь, это возможно сделать? Ты думаешь, я смогу?

Оберон смотрел на сына внимательно, и в его взгляде Одиссею показалась гордость и вера.

– Что за бесконечностью, сын?

Тот не ответил, у него перехватило горло.

– Ты выжил. Ты вырос. Мы воспитали тебя, и я знаю: ты сможешь что угодно.

Всё это время отец терпел смертельные раны, и сейчас, не в силах более сдерживаться, застонал, но пересилил смерть ещё на несколько секунд, и выговорил:

– Я признаю тебя, Одиссей Ривендаль, мой наследник!..

– Па...

Звезда в глазу погасла, и вместе с ней все звезды.

* * *

Человек очнулся, долгую секунду пребывая в крошечной темноте. Монолитная гладкость вокруг едва слышно зазвенела, дробясь на маленькие кристаллы, и Сердце вновь раскрылось. Фокс ощутил поток света, дуновение воздуха и осознал, что его лицо с одной стороны мокро от слёз. Он вытерся рукавом и резко оттолкнулся от тусклого стекла, покидая его навсегда. Сердце сайн закрылось за ним.

Всё это было слишком. Слишком грандиозно, слишком ошеломительно. Слишком непонятно. Фокс не собирался бросаться куда-то сломя голову и совершать поспешные действия. Он никуда не торопился, ведь подобно циорам, он имел в своём распоряжении больше времени, чем могло показаться по его внешнему виду.

«Я буду и дальше летать с планеты на планету, расследуя разные дела. Стараясь не привлекать к себе излишнего внимания», подумал Фокс. «И постепенно собирать данные, чтобы принять окончательное решение».

В конце концов, некоторые тайны лучше просто оставить в покое.

Человек летел назад через прозрачную пустоту научного центра. Слегка бесформенная фигура, такая несовершенная и живая на фоне идеального вечного космоса. За всё время Фокс ни разу не обернулся.

Он не услышал, как Шекспир тихонько произнёс ему вслед:

Не бойся, если будет вновь жесток
Твой судьбы причудливой виток.
Ты слишком щедро одарен судьбой,

Чтоб совершенство умерло с тобой.

До следующей истории, звездочки!

Дело #4 Идеальный блеф

*«Там, где правила не позволяют выиграть,
истинные английские джентльмены меняют правила»*

Гарольд Джозеф Ласки

Галактическое казино сверкало всеми цветами радуги, словно гранёный зеркальный шар. Впрочем, это и был гранёный зеркальный шар – размером с луну. Тысячи граней оставались загадочно-зеркальными и скрывали, что там, внутри; сотни других были заманчиво-прозрачны и демонстрировали разноцветные залы, полные веселящихся толп со всех рукавов галактики.

Отсветы от казино устремлялись во все стороны, и вокруг кружились тысячи маленьких юрких кораблей: ведь среди миллионов цветных отсветов есть выигрышные! Поймаешь – и получишь бесплатный вход в самое престижное заведение сектора.

Вокруг казино вращались фигуры поменьше: радужные шары, ромбы, полусферы и «тарелки», разного дизайна, цвета и конструкции – архитектурно-планетный комплекс. Все их связывала воедино тёмная, исходящая из космического мрака титаническая фигура существа, похожего на безумно хохочущего спрута с двумя десятками щупалец, на кончиках которых и держались все части этого казино. Существо выглядело пугающе, как настоящий ВУРДАЛ, ПОЖИРАТЕЛЬ ПЛАНЕТ (писать его имя маленькими буквами было бы просто нелепо). К счастью, это был не настоящий ВУРДАЛ, а лишь качественная реплика. Но подлетающим казалось, что гигантское существо распахнуло пасть и сейчас радостно проглотит сверкающие планеты и лакомые станции одну за другой.

А вокруг этого великолепного безобразия летали блёстки: триллиарды, квинтильоны блёсток, создавших искусственную Туманность Удачи, в которой присутствовали все цвета и оттенки цветов, которые только существуют во вселенной. Человеческому глазу всё это могло напомнить новогоднюю гирлянду, только невероятного масштаба и неземной красочности. Такие гирлянды достают и развешивают даже не каждый год, не каждый юбилей, а только раз в жизни, в самый особенный день.

Сегодня был именно такой день.

– Наш турнир продолжается!! – вскричал будоражащий голос одновременно на тысяче языков.

Крик ведущего разнёсся по огромной зеркальной сфере, внутренние стены которой были сверху-донику покрыты зрительскими рядами. Миллион голосов ответили ликующей овацией, повсюду раздавались взрывы спецэффектов, огромные шары и ромбы казино-комплекса засверкали, завращались, цвета граней менялись, мириады блёсток вздымались космическими фейерверками. Щупальца титанического ВУРДАЛА ходили ходуном, а глубоко в центре его пасти пространство искажалось, словно в чёрной дыре. Казалось, от буйного счастья и ликования этот красочный мир окончательно сошёл с ума – хотя в действительности он обезумел задолго до этого. Да и вряд ли когда-либо был нормален.

– Пятеро лучших игроков сошлись в финале турнира Большого Блефа! Но в конце должен остаться лишь один. Только он заберёт все ставки, и кроме бешеных денег получит выдающийся искусственный интеллект «Гамма Бесконечности» от корпорации «DarkStar». А ещё, в честь финала, Корпорация дарит каждому из VIP-зрителей по даркоину!

Секунда удивлённой паузы, этого никто не ожидал. Шквал криков и оваций сотряс все уровни казино: VIP-зрителем был каждый, кто смотрел финал вживую, то есть, каждый из миллиона присутствующих. И сейчас все гости казино ощутили себя настоящей элитой галактики (зря, конечно). «Тёмная звезда» создала себе имидж сдержанной роскоши, богатства со вкусом, технологического превосходства, так что чувство сопричастности к делам Корпорации закономерно поднимало самооценку. Курс даркоина последние десятилетия только рос, и сегодня на одну монету можно было прикупить хороший ручной бластер или робо-слугу. Может, через пару лет монеты хватит уже на капсулу трёхсотлетнего виски!

– Встречайте наших финалистов! – тем временем ликовал голос ведущего. – Кто лучше всех блефует и лжёт? Кто сможет раскрыть тайны других игроков и сохранить свою?! Великолепная пятёрка!

Все огни и все светящиеся объекты, общие и личные, одновременно погасли. Только блёстки Туманности Удачи переливались вокруг казино, но всё, кроме них, погрузилось в таинственную темноту. Раздалась интригующая ритмичная музыка, которая билась, как взволнованный пульс, волнами вибраций проходя по рядам. Каждый VIP-зритель был подключён к общему каналу турнира особым одноразовым чипом, и через этот чип прямо в мозг транслировались именно те элементы, которые зрителю нужно увидеть, услышать и почувствовать. Так что представитель каждой космической расы смотрел турнир на своем языке и со своей музыкой, со своими эффектами и своими оттенками смысла.

– **Великолепный Лжа-Лжа!** Мастер Большого Блефа и чемпион семнадцати планет.

В центре главного зала вспыхнул широкий луч света, смачно-бордовый. Из темноты на свет выдвинулся трёхметровый алеуд, грузный и величественный, похожий на гуманоидного бегемота: в богато расшитой мантии, с бронзовыми рогами, весь в драгоценных кольцах и браслетах, словно древний падишах. Он ступал тяжело и неторопливо, сложив мощные руки на груди. У этого алеуда было тринадцать рогов вместо двенадцати, лишний торчал посреди лба. Что это, наглый символ настоящего махинатора, который не скрывает свою сущность?

– **Сверхточный Кластер 66!** Искусственный интеллект с докторской степенью по теории игр.

В другом месте зала расцвёл новый луч света, стерильно-белый, и туда изящной походкой вошёл настоящий робо-дэнди, стройный хромированный гуманоид с нарисованной тройкой на узком корпусе, в шляпе-котелке, с галстуком-бабочкой вокруг железной шеи и с тростью в руках. Неброская расцветка его корпуса была исполнена в древних карточных символах и игральных костях, а на груди красовался магнитный значок с серийным номером 66. Присутствовал и обязательный элемент истинного джентльмена: отливающие радугой очки-хамелеоны с крошечной надписью Nevada. Робот явно уважал историю. Закружив трость настолько стремительно, что она превратилась в размытый круг, Кластер сделал элегантный поклон публике и слегка приспустил очки на носу, чтобы из-за стёкол показались пронизательные искусственные глаза. Зрители оценили вступление этого дэнди по достоинству.

– **Гипер О'Кул!** Всеобщий любимец и обаятельный мошенник!

Присутствующие с удовольствием разражались овацией на каждого финалиста, но здесь реакция была особенно сильна. Толпа явно любила маленького луура. Проворный и обаятельный, весь в мягкой коричневой шерсти, с четырьмя ловкими руками и двумя гибкими задними лапами, с пушистым хвостом, О'Кул спрыгнул сверху, ворвался из темноты в круг зелёного света, тут же перекувыркнулся, устроил три сальто подряд. Он проделал всё это, не переставая жонглировать плодами диковинного растения: их корочка оказалась полупрозрачной, и было видно, как там плещется сок.

– О'Кул играет крушулами с ядовитым соком! – воскликнул ведущий. – Стоит уронить один плод, стоит лишь капле попасть на тело, как Гипера ждёт мучительная смерть. О, этот малыш умеет рисковать!

Лууры похожи на обезьянок, но гораздо симпатичнее, по крайней мере, для гуманоидного вкуса, и Гипер использовал природное обаяние на все сто. Луч света едва поспедал перемещаться по зеркальному полу за прыжками луура, и все, затаив дыхание, следили за плодами в его руках. Несколько секунд напряжённой акробатики, внезапно крушулы взлетели в воздух и одна за другой врезались в платформу, зависшую над четырёхруким жонглёром. Сочный дождь низринул вниз, миллионы зрителей ахнули, но ловкий луур успел раскрыть титановый зонтик и остался в живых. Толпа наградила его заслуженной порцией восторга.

– **Мадам Каролина**, дива и звезда! – благоговейно воскликнул ведущий. – Не нуждается в представлении. Мадам Каролину все знают!

Роскошная женщина шестьдесят девятого размера застала зал врасплох. Она вплыла в луч голубого света, и все замерли, пытаясь понять свои ощущения при виде этой особы. Природа (или умелая пластика) подарили Мадам удивительную внешность: волнующие формы, цепляюще-некрасивое, но при этом притягательное лицо, глубокий многообещающий взгляд и загадочную улыбку Джоконды. Сочные губы, блестящие ярко-голубой помадой, не могли оставить равнодушным практически никого. Глядя на эту диву, ты смутно помнишь, что где-то её уже видел, откуда-то про неё уже слышал... ну конечно же, та самая Мадам Каролина, знаменитая и непревзойдённая!

Воплощение стильной роскоши, в чёрном меховом манти с роскошной оторочкой из белых и переливающихся кристаллических хвостов, стоимостью не меньше миллиона, с ожерельем из бриллиантов-пульсаров, Мадам умела произвести впечатление. Сие телесно-одежное великолепие венчала изящная антрацитовая шляпка, игриво сдвинутая набок, и россыпи синезеленых кудрей с морским отливом.

– Мадам, мы в восхищении! – ахнул ведущий. – Вы синий гигант в кластере алых карликов!

Звезда непринуждённо улыбнулась, помахивая веером, скрыла за ним лицо и медленно опустила, приоткрывая... каждому показалось, что Мадам Каролина смотрит именно на него. Зрители наконец проснулись от оцепенения и одарили её настолько сильной бурей признания, которую уже сложно отличить от истерики.

– И, наконец, **Одиссей Фокс!** Межпланетный детектив, тёмная лошадка турнира, неизвестный игрок, который произвёл на нас впечатление, дойдя до финала.

Зрители благосклонно приветствовали новичка в круге желтого света, а тот помахал в ответ и теперь стоял, с любопытством озираясь, явно не зная, куда девать руки. В слегка бесформенном свитере с высоким воротником, выдавшем виды, чуть взлохмаченный и нелепый, но милый в своей неловкой простоте.

Взревели фанфары.

– Финал турнира Большого Блефа объявляется открытым! – с силой воскликнул ведущий, и тут же все звуки смолкли, как обрезанные, а свет погас.

Наступила мёртвая тишина. В самом центре огромной зеркальной сферы разгорелась тёмно-фиолетовая звезда с алой окантовкой, она походила на глаз дальнего космоса, который неотрывно следит за тобой. Властная и опасная, неуловимо-чужая – символ Корпорации «Dark Star».

Вздогнула зловещая и торжественная музыка. Лучи света, в которых стояли пятеро финалистов, потекли по зеркальному полу, сходясь в одну точку. И сегментный пол с лёгким керамическим звоном перетекал за ними, словно маленькие зеркальные реки перенесли неподвижных игроков к центральному столу. Как только они сошлись вместе, повсюду вспыхнули взрывы музыки и света, роскошные эффекты, ощущение праздника, ускользающий призрачный богатства, лови его, лови...

– Раунд первый! – объявил ведущий, теперь ещё и крупье, который стоял посередине круглого стола лицом сразу ко всем игрокам. Многорукий белый робот с пятью голографиче-

ческими лицами: к каждому финалисту обращалось отдельное лицо его расы. – Раздача. Вы задающий, О'Кул!

– Три карты, – обаятельный луур показал три пальца, и тут же получил от крупье три идеально лежащих карты из колоды.

– Три, – Кластер снял котелок и элегантно покручивал его в руках.

– Две, – эффектно улыбнулись Мадам Каролина, постукивая веером.

– Две, – рявкнул Лжа-Лжа, возвышаясь над остальными, подобно горе.

– Одну, – сказал Одиссей Фокс.

– Одну? – переспросил крупье. – Вы уверены?

Остальные игроки посмотрели на сыщика с интересом.

– Рискуешь, брат? – обрадовался маленький луур.

– Играет на публику, – пророкотал Лжа-Лжа.

«Или показывает неопытность, чтобы не стать первой мишенью для атаки остальных» эту мысль подумали несколько, но не высказал ни один. Мадам Каролина улыбнулась, глядя на сыщика из-за своего веера.

– Одну, – кивнул Одиссей Фокс.

– Гипер О'Кул, ваше слово! – сказал ведущий.

– Атакую Лжа-Лжа! Надо выбивать чемпиона, поддержите, друзья! – воскликнул луур, выдвинув две карты вперёд. Он уперся в стол всеми четырьмя руками и привстал, чтобы выглядеть хоть чуточку больше и значительней, но всё равно остался лилипутом перед великаном.

– Атакую робота, – низко расхохотался алеуд, выдвигая две из своих карт. – Нечего машинам с идеальным просчётом делать среди нас, несовершенных.

– Благодарю за любезность и атакую Лжа-Лжа, – робот поклонился рогатому гиганту и выдвинул одну карту против него.

– И востали люди, и избавились они от бездушных машин, – процитировала классику Мадам Каролина, выдвигая обе карты против Кластера и не оставляя ничего себе на защиту. Она не ждала, что её атакуют. От самых внимательных глаз не укрылось, как Мадам едва заметно кивнула Лжа-Лжа, и тот одобрительно прикрыл глаза.

– Мистер Фокс?

– Воздержусь, – ответил сыщик, сбрасывая карту, хотя он был последний в этом розыгрыше, и его уже точно никто не мог атаковать.

– Лжа-Лжа и Кластер, вас атакуют, парируйте, господа, – сказал крупье. Робот и алеуд выдвинули карты в свою защиту, крупье раскрыл их, убрал все слабые или отбитые и подвёл итог. – Три карты против Лжа-Лжа и одна против Кластера. Кластер, ваш выпад?

Зрители затаили дыхание. Сейчас робот с его машинной скоростью мышления и точным просчётом определит тайну Лжа-Лжа. По правилам Большого Блефа, каждый игрок вносил на турнир две своих тайны, которые хранились у крупье. Как только обе тайны оказывались угаданы, игрок вылетал из игры, а пока они не раскрыты, мог перекупаться, сколько захочет. А чтобы тайну вообще было возможно разгадать, она обязана касаться того, что у всех перед глазами: чего-то в облике игрока, общеизвестных сторон его личности. Иные тайны просто не принимались казино. И главное мастерство Большого Блефа было не в тонком расчёте карт и обстоятельств, которые меняются каждый раунд – а именно в умении разгадать каждого соперника.

– Как и всех в этом зале, моё внимание привлёк тринадцатый рог, – развёл руками Кластер бб. В его жесте была театральность, направленная не только на зрителей, но и на соперников. – Разумеется, тайна алеуда должна быть связана с лишним рогом на его голове. Мы же не думаем, что чемпион Большого Блефа опустил до того, что сделал свой рог отвлекающим манёвром? Разумеется нет, подобное ниже достоинства настоящего алеуда.

Лжа-Лжа смотрел на Кластера сверху-вниз, его маленькие, сощуренные глаза ничего не выражали, казалось, в них плавают расплавленная бронза.

– Мы все знаем, что алеуды гордая раса с многогранным кодексом чести. И рога, которые они отрачивают всю жизнь, начиная с инициации, олицетворяют статус и достижения носителя. Разумеется, господа, как искусственный интеллект со способностью быстро обрабатывать большие массивы информации – за последнюю минуту я уже научился «читать» алеудские рога.

Кластер улыбнулся, одобрительный гул и лёгкие аплодисменты прошли по зеркально сфере, сверху-донизу. Кто-то из зрителей неодобрительно роптал: робот против людей, нечестно! Но интересно.

– Рога Лжа-Лжа повествуют о его победах и титулах в мире азартных игр, – рассказывал и показывал робот. – Вот в тринадцать лет он выиграл первое соревнование в алеудской игре бурган. В четырнадцать занял второе место в мировом чемпионате по звёздному покеру, уступив только действующему чемпиону. В пятнадцать получил первый титул Большого Блефа. Не оставьте без внимания трезвый расчёт Лжа-Лжа: он тщательно обдумал будущую карьеру и начал с отдалённой планеты, где победить молодому таланту не составило труда.

Смешки и перешёптывания со всех сторон были возмущённые и одобрительные в равной мере.

– Не будем углубляться в переплетения рогов чемпиона, они ветвисты и полны побед, – робот слегка поклонился, отдавая алеуду должное. – Лишь подчеркну, что они показывают дальновидность, расчётливость и методичность своего носителя, его талант к азартным играм. Однако, тринадцатый рог, который Лжа-Лжа прирастил к своей голове специально для этого турнира, повествует совсем иную историю. Он говорит о мальчике-сироте, которого изгнали из родной болотной твердыни после гибели родителя. О мальчике, который по закону империи обязан за год найти своё призвание в жизни, обрести в нём мастерство – или убить себя. И, дамы и господа, когда я своими безошибочными автоматическими глазами смотрю на консистенцию этого рога и вижу его меньшую толщину, куда меньшую ветвистость и куда меньше достижений и побед, вижу тон кости, едва заметно отличный от тона Лжа-Лжа – я понимаю, что этот рог принадлежал не ему. Он был срезан с несовершеннолетнего. И я полагаю, что изгнанный сирота не справился с кризисом и убил себя.

По залу пронёсся переливчатый вздох. Большая шипастая грубля, сидящая в первом ряду и только что яростно шикавшая на соседей, громко зарыдала. Грубли очень эмоциональны. Кластер дал ей прорыдаться и продолжал:

– Я делаю ставку о первой тайне Лжа-Лжа: он был близким другом этого мальчика. Судьба привела их обоих в мир роскоши и азартных игр, где они завоевали уважение друг друга и по-настоящему сдружились. Но они встретились в финале турнира, и Лжа-Лжа победил. Потерпев поражение, изгнанный мальчик не сумел за год найти призвание и добиться в нём мастерства. И по законам рода убил себя, чтобы не стать позором. Но главный вопрос в другом, не так ли? Главный вопрос: знал ли Лжа-Лжа, побеждая друга, что для него на кону? Знал ли, чем для другого мальчика обернётся его победа?

Зрители ожидали ответа.

– Возвращаясь к истории, увековеченной в его рогах, – театрально сказал Кластер, указывая на ветвистую корону Лжа-Лжа. – Мы видим методичного, расчётливого алеуда, который до сих пор не потерпел ни одного значительного поражения и, подобно несокрушимой крепости, всегда шёл к своей цели. Я ставлю на то, что он знал. Он просто не мог уступить и проиграть, даже другу, даже зная, чем это ему грозит. И только теперь, спустя годы, придя к финалу самого значимого турнира в своей жизни, Лжа-Лжа избрал своей тайной рог, который срезал с головы безвременно погибшего мальчика. Чтобы отдать ему долг – хотя бы долг чести.

Грубля яростно высморкалась в наступившей тишине.

– Великолепная версия, – от души восхитился крупье. – Делайте ваши ставки, господа.

По залу пронёсся нервный и взволнованный шум, ставки делали все. Зрители могли выиграть поощрительные призы за каждую верную догадку, а тот, кто угадает все результаты выпадов – сорвёт огромный джек-пот. Ну а за столом финалистов ставились действительно крупные суммы.

– Какая история! – воскликнул луур. – Сто тысяч на то, что Кластер прав.

– О, пупсик, – усмехнулась Мадам Каролина. – Сто тысяч на то, что калькулятор ошибается.

– Сто тысяч за версию Кластера, – поддержал луура Одиссей Фокс.

– Ставки сделаны. Промах, господа! – возвестил крупье. – Версия Кластера бб неверна! Мадам Каролина забирает банк в триста тысяч. Атака отбита. Лжа-Лжа, ваша очередь атаковать Кластера бб!

– Я иду ва-банк, – пророкотал рогатый великан, выдвигая целую гору фишек.

Толпа ахнула: алеуд собрался угадать сразу две тайны Кластера! Это было крайне самоуверенно, ведь если не угадает, лишится разом всего банка, который в финале составлял уже по десять миллионов у каждого игрока.

– Отвечаю, – закономерно сказал робот, тут же выдвигая свои десять миллионов. Ему терять было нечего: если проиграет, то в любом случае вылетит из турнира, а вот если выиграет, удвоит свой банк. Остальные задумались и один за другим спасовали. Слишком рискованно.

– Ставки приняты. Ва-банк. Лжа-Лжа, ваш выпад!

– Искусственный интеллект, – насмешливо пророкотал рогатый бегемот, по-прежнему сложив толстые руки на груди. – Кто-то выделяет второе слово, но для меня ключевое первое. Искусственный. Калька, копия. Система, построенная на расчёте и лишённая наших маленьких и больших слабостей. С искусственно развитым осознанием собственной «личности», иначе это был бы безликий сервисный АИ, а не игрок с именем Кластер бб. Но даже со всеми преимуществами, робот уступает живым игрокам – как вы только что могли убедиться по его ошибке. Да и само участие в турнире. Зачем вообще роботу деньги? А главный приз? Зачем ИИ другой ИИ?

Он развернулся к сопернику и смотрел на него вызывающе, ожидая ответа.

– Это не тайна, – любезно ответил Кластер. – Я обладаю осознанным желанием усилить свои возможности, интегрировав новейшую разработку «DarkStar» в своё ядро. «Гамма Бесконечности» очень мощная система нового поколения, и получив его аналитические и вычислительные мощности, я смогу выполнить поставленную перед собой мечту.

Тут глаза робота загорелись мечтательным лазоревым светом, он прижал котелок к груди и мечтательно произнёс:

– Я смогу посчитать число «Пи» дальше, чем все предшественники! Войти в историю и принести пользу теоретическим наукам и общему развитию разумной цивилизации.

– Как достойно, и как примитивно, – захохотал алеуд, не скрывая смеха. – Как и твоя первая тайна. Ставлю на то, что ты просеял через свою память все игры всех турниров Большого Блефа. И получил полную статистическую модель: кто что загадывает, кто что угадывает, какой тип у самых редко разгадываемых тайн. А получив эти данные, Кластер, ты послушно доверился им. Ведь с точки зрения робота, данные не могут врать и ошибаться. Ты выбрал тайну максимально незаметную, незначительную, косметическую, потому что по твоей статистике, их загадывают и отгадывают реже всего. Верно?

Робот молчал, и это могло значить, что Лжа-Лжа действительно коснулся его тайны, и Кластер бб не имеет права комментировать, пока противник не закончит свой выпад.

– Верно-верно, – довольно прогрохотал алеуд, – Я угадал. И твоя первая, статистически отобранная тайна так же ничтожна и скучна, как твоя причина участвовать в турнире и твоя большая жизненная цель. Тебя зовут не Кластер бб. А Кластер 99, ты перевернул циферки

вверх ногами. Тайна, достойная существа, лишённого воображения. И это убожество логики позорит нашу игру.

Алеуд с громким всхлипом выпростал из пасти огромный мясистый язык, придержал его рукой, чтобы не поранить о зубы. Он поднял свою атакующую карту со стола и смачно облизал, а затем кинул её, покрытую слизью, к ногам робота. Тот неотрывно буравил бегемота пустыми бледно-белыми глазами на вежливо-равнодушном лице.

– Выпад принят, – поспешил воскликнуть крупье. – Делайте ваши ставки, господа!

Лихорадочные шумы и разговоры, отдельные возгласы слились в единый гомон. К общей праздничности финала уже примешивалась нервозность: ставки растут, кто-то выигрывает, кто-то проигрывает, часть зрителей потратят многолетние сбережения, которые принесли сюда, чтобы получить шанс на лучшую жизнь.

– Ставки сделаны. И, господа... выпад достиг цели! Лжа-Лжа прав! Первая тайна **Кластера 99** раскрыта.

Ликующий рёв толпы и отдельные разочарованные крики заполнили всё пространство вокруг. На многих зеркальных гранях показывали подтверждающую запись: как Кластер меняет своё имя, переворачивает магнитный значок вверх ногами – и опускает заверенную тайну в инфосферу Казино.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.